

10 Dubna 1934. **Volné Kozáctvo** Ročník VII.

150

10-го апреля 1934 г. 10-го квітня 1934 р.

ПРАГА PRAHA

ГОД ИЗДАНИЯ 7-ой РІК ВИДАННЯ 7-ий

Ю. Гинтон

СОДЕРЖАНИЕ.

1. И. К. Скубани: 150 номеров „ВК“. (Verše).
2. Зах. Кондрашов: Памяти славных. (Verše).
3. Иван Назаров: Два сокола. (Verše).
4. Борис Кундрюцков (†): Романс. (Verše).
5. „ „ Казачья невеста. (Verše).
6. Павел Поляков: Станица Терновская. (Verše).
7. Иван Томаревский: После ухода. (Verše).
8. Петр Крюков: Мой пернач. (Verše).
9. Петр Мерзликин: Некоторым родичам (Verše).
10. С. Савицький: *⁎* (Verše).

11. На юбилейные и иные темы. (Na jubilejná a jiná tema).
12. Трагедия Казачества. (Tragedie Kozáctva).
13. Ген. Т. Стариков: Внутренняя и внешняя политика Казакии. (Vnitřní a vnější politika Kozácka).
14. С. Е.: Пугу! (Volání).
15. Д. Родионов: Гнездышко. (Hnízdečko)
16. Правда-ли? (Je to pravda?)
17. Думы и мысли. (Dumy a mysli).
18. Знаменательный голос. (Vyznamný hlas).
19. Всем казакам (Všichním kozákům).
20. Христос Воскресе. (Vzkříšeni).
21. Не в бровь, а в глаз. (Tito trefili!)
14. Казачья эмиграция. (Kozácká emigrace).
15. В Казакии. (V Kozácku).

Почтовый ящик.

Берлин. — И. О. — Получено. Привет.
Соуш. — В. — Получено. Привет.
Бийанкур. — Д. Л. — Получено. Привет.
Смедерево. — И. К. — Получено. Привет.
Туркуан. — А. Д. — Получено. Списки пришлите. Привет.
Андабр. — И. А. Б. — Получено. Привет.
Субботица. — Д. П. — Получено. Привет.
Нью-Йорк. — М. Г. — Получено. Привет.
Лион. — Н. Ю. — Получено. Привет.
Тамарис. — А. Д. — Получено. Привет.
Санс. — А. К. — Получено. Привет.
Монтаржи. — А. М. — Получено. Привет.
Београд. — А. Ч. — Получено. Привет.
Ески-Джумая. — М. Т. — Получено. Привет.
В. Бечкерек. — К. А. — Получено. Привет.
Пирей. — В. — Получено. Привет.
Ош. — А. У. — Получено. Привет.

Гонорар не платится.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.
Редакция не входит в переписку по поводу непринятых к напечатанию рукописей.

Представители журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“:

В РУМЫНИИ:

С. М. Маргушин. M-eur Margouchine. Bukarest V.
А. К. Бабков. M-eur Babkoff. Galatz

В ПОЛЬШЕ:

С. Тулаев. W. P. S. Tulajew. Wilno.
Ф. Сафонов. F. Safonow. Augustow.

В БОЛГАРИИ:

П. Н. Кудинов. Александрово.
Н. М. Егоров. Лом.
Ф. Е. Бабкин. София.
И. Д. Кузнецов. Ески-Джумая.
С. Поляков. Варна.
С. А. Гринкин. В.-Търново.
Д. Ф. Князев. Сливен.

В ГЕРМАНИИ:

Г. А. Козловский. Berlin.

В БЕЛЬГИИ:

Г. К. Рудаков. Брюссель.

ВО ФРАНЦИИ:

А. К. Ленивов. M-eur Lenivoff. Lyon.
З. Д. Кондрашов. M-eur Kondrachoff. Colombelles.
Ив Т. Курило. M-eur Kourilo. Toulouse.
И. Д. Попов. M-eur Popoff. Vichy.
И. С. Орехов. M-eur Orekhoff. Ugine.
А. Г. Дронов. M-eur Dronoff. Tourcoing.
Н. П. Ивановсков. M-eur Ivanovskoff. Montargis
В. Богданов. M-eur Bogdanoff. Lille-Fives.
Б. Лепешкин. M-eur Lepechkine. Sens.
В. Ф. Фролов. M-eur Froloff. Décines.
И. З. Зотов. M-eur Zotoff. Valence.
Я. Л. Безгласный. M-eur Besglasny. Dijon.

В СЕВ. АМЕРИКЕ:

А. Д. Аникушин. M-r Anikoushine. Cleveland. (U.S.A.).

В ЮЖНОЙ АМЕРИКЕ:

С. С. Савицький. S. Savytzky. Brasil.

НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ:

И. С. Константинов. Харбин.

Казачья — Наша цель

ВОЛЬНОЕ КОЗАЧТВО

ВІЛЬНЕ КАЗАЧЕСТВО

Наш девиз — Казачья воля

VOLNÉ KOZÁCTVO — LES COSAQUES LIBRES

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический.

(Vychazí 10 a 25 každého měsíce).

Редактор-издатель: инж. **И. А. Билый.**

Редакция и администрация: Praha-Vinohrady, Hradecká. 2207 Tchécoslovaquie.

№ 150 *Вторник, 10 апреля 1934 = Вівторок, 10 квітня 1934.* *№ 150*

И. К. Скубани. *(Румыния).*

150 НОМЕРОВ „В. К.“.

Наш казачий журнал — словно лук с тетивой:
Далеко его стрелы летят,
И за шесть с лишним лет, путь свершая прямой,
Пронеслося их сто пятьдесят.

Не напрасен стремительно-быстрый их лет, —
Они сердце пронзают, летя,
Но их жало не смерть, а отраду несет,
Не страданье, а свет бытия.

Год за годом идет... Словно трепетный лист,
Напрягаясь, дрожит тетива —
Не стихает над миром тревожащий свист,
Разнося о свободе слова...

И не страшно, хоть жизнь непроглядна, как ночь,
Все темнее, тернистей наш путь, —
Мы сомненья и грусть от себя гоним прочь,
Песней глушим зловещую жуть.

Хоть отчизна в плену, и над нею повис
Меч проклятых московских убийц,
Но в усталой душе жив священный девиз:
Воля светлая — ярче зарниц.

Пусть одни поколения в рабстве умрут,
Заростут к их могилам следы, —
Им на смену борцы молодые придут,
Дружно став в боевые ряды.

Пусть в Казачьих Краях воля ныне — мираж,
Мысль свободную душит запрет, —
Наш журнал на чужбине, как преданный страж,
Охраняет дедовский завет;

И как пламя забытого в роще костра
Освещает в ночи молодняк,
Так и он своим словом и мощью пера
Разрежает окутавший мрак...

Подождите — воскреснет страна казаков,
Былью станут заветные сны,
И в величьи своем, через призму веков,
Засияют огни Старины.

Зах. Кондрашов. *(Франция).*

ПАМЯТИ СЛАВНЫХ.

Небо покрылося черными тучами,
Скоро уж дождь зашумит...
Там, над Кавказскими горными кручами,
Может быть, он пролетит...

Там, на горах, по лесам по дремучим,
Голод и холод терпя,
Воины храбрые с сердцем измученным
Бьются все, дело святое творя...

Силы слабеют... и реже ряды
Храбрых бойцов за отчизну родимую;
Дух же не гаснет, еще все бодры
Станут они за Кубань за любимую!

Тают и тают ряды постепенно...
Смерть все уносит бойцов...
Так же другие стоят неизменно —
Смерть не страшна для таких храбрецов.

Брызни же, дождь, над горами, лесами,
Силы бойцов освежи,
Бодрость и дух ты своими струями
В души страдальцев вложи!

Иван Наваров. *(Княжевац).*

ДВА СОКОЛА.

— Что сидишь задумчив,
Одинок, печален? —
Сокол у другого
Сокола спросил.
— Что лицо туманно,
Не сверкают очи,
Что в бессильи низко
Крылья опустил?
В чем тревога мысли,
В чем души терзанья?
Иль чужбина злую
Родила печаль?
Иль лишился брата,
Потерял ли друга,
Иль с другим подруга
Улетела в даль? —
„Ты не видел волю“,
Отвечает сокол:
„Ты народ не видел
Средь родных степей,
Ты не видел Дона...
Ты возрос в чужбине
Средь других, суровых
И чужих, людей...

Я же степи видел...
Гордые просторы
Будто в даль уходят...
Без конца они...
Там горело солнце,
Там заря с рассветом
Заливала светом
Наши курени...
Там я видел волю,
Меж народа волю,
Средь широкой жизни,
В хуторах родных,
В ковылях по степи,
В заливных озерах,
На Дону в затонах
И в садах цветных...
Там жила свобода
В клекоте орлином,
В реве бугаином,
В ржаньи лошадей,
В лете ястребином,
В шелесте змеином,
В туле голубином,
В кликах журавлей...

Там народ любил я
Боевой и вольный
С красотой преданий,
С песней заливной...
Средь него родился,
С ним за волю бился
И о нем терзаюсь
До сих пор душой...
Ты и знать не можешь,
Что такое мука,
По отчизне мука,
По стране моей...
Все отдал бы... бросил
И любовь, и счастье,
Разорвал бы сердце
И отдал бы ей...
Вот о чем тоскую,
Вот какую муку,
Вот я боль какую
Не могу изжить...
А что тут — неволя
И страна чужая,
И без сердца люди, —
Так должно и быть“...

Борис Кундрюцков. (†)

РОМАНС.

Мой Край — вдали... Опустошенный,
Залитый кровью, весь в огне...
До ласк-ли трепетных здесь мне? —
Я — пораженьем оскорбленный...
Пусть в поцелуях жгучий вкус,
К тебе я больше не вернусь!..
Что стройной женщины волненье,
Признанья ласковый угар —
Мне шашки бешеный удар
И пули мне дороже пенья...
А в поцелуях... едкий вкус...
Нет, не вернусь... Нет, не вернусь...
Виденье счастья промелькнуло,
Оковы нежные сорвал,
Что разбудило — вновь уснуло,
Коня я ночью оседлал —
Мне поцелуев странен вкус,
Я не вернусь, я не вернусь!..
Раскроешь утром, вся в тревоге,
Глаза лучистые свои,
А косы будут — две змеи,
Когда с проклятьем на пороге
Швырнешь мне вслед свой ворох бус...
Но... проклинай —
Я не вернусь!..

1930. Белград.

КАЗАЧЬЯ НЕВЕСТА.

Смех — как струна золотая,
Взгляд — как брильянтовый луч,
И голова завитая
В нимбе темнеющих туч...
Верный порыву, я встану,
Молча с коня я сойду,
В самое сердце загляну
И... навсегда украду...
Будешь ты в нашей станице
Солнцем степным обожжена...
Сын мой там — вольная птаца —
Ждет тебя, девушка, в жены...
Здесь, в европейце унылом,
Верь мне, огня не найти...
Может ли с буйною силой
К мощной прижать он груди!..
Знаешь, в труде и в весельи
Жизнь пролетит... Ну, на место!..
. . . . . .
Так, у седла... Новоселье
Справим, казачья невеста!

Павел Поляков. *(Белград).*

Станица Терновская.

Поэма.

. . . . . .
В темноте, в полночи,
гляну на икону —
от лампады тихой
светел строгий лик.
В темноте, в полночи
по родному Дону
в наболевшем сердце
затаится крик...
Знаю — силы гаснут...
Не сдержусь от боли,
не сдержу под горло
подошедших слез
от тоски великой
по ушедшей воле,
от любви безмерной,
что с собой унес...
. . . . . .
Я бы плакал... плакал...
Стал бы на колени...
Казаки! да где же
наш кормилец Дон?
Казаки, за нами —
наших дедов тени,
и в ушах не молкнет
погребальный звон...
Али черствым сердцем
прошлое забыли,
и в душе уснувшей
шорох трав затих,
и под серым слоем
иноземной пыли
потускнела слава
рыцарей степных?..
Я бы сердце вырвал
из болящей груди, —
не слыхать бы ночью
зова ковылей...
Казаки! Вы что же —
нелюди, иль люди,
или вам в изгнаньи
умереть милей?
Иль сыны свободы
в страхе покорятся,
и заплачет горько
сиротой Кубань,
и завянут травы,
вербы похилятся,
и затопчет лапоть
Войсковую грань?..
Казаки, неужли
дедов наших пламень
нам позором вечным
суждено покрыть?..
Казаки, коль с нами
Войсковому праву —
вольному присуду —
на степи не быть...
Казаки... папахи
и лампасы скиньте;
распоров черкески,
бросьте газыри —
пусть в станицах будут
мужики-хозявы,
пусть царят над степью
русские цари,
пусть о нас, ничтожных,
позабудут люди,
и позор великий
ляжет лишь на нас...
А о славе дедов
жить веками будет
в поколеньях новых
пламенный рассказ...

В темноте, в полночи,
на икону гляну:
от лампады светел
взгляд святых очей...
Слышишь, Бог, нам надо
Стеньку в Атаманы
и присуд казачий
до границ степей!..
. . . . . .
Затужил я ноне
по Степному Краю,
и зашлася в сердце
боль родной земли...
. . . . . .
Ноне с новой верой
песню заиграю —
помоги мне, Боже,
добрый час пошли...

Глава I.

1.

Провожали сынов на войну...
Поп молитвы читал на морозе,
и катились из старческих глаз
бриллиантом горевшие слезы...
— Бласловите, папаня, в поход!..
Взвыли бабы... — Ребята, глядите —
замечаний иль што там — ни-ни!
И без лычек домой не ходите...
Посадились... Фланговый запел:
— Э-ой... поехал казак на чужбину...
. . . . . .
Долго, долго он следом глядел,
долго горбил усталую спину...
Очунелся, ан все разошлись...
Стряпки вздули огни по загнеткам.
Месяц всплыл из за старой вербы
и повис на поломанной ветке...

2.

За три года великой войны
многих, многих в церквах поминали,
много слез и горячих молитв
камышевые крыши слыхали...
И Гаврил, и Петро на войне —
два красавца, два сокола ясных...
. . . . . .
Дон, родимец, скольких сыновей
ты пожертвовал жизни напрасно?..
И Петро, и Гаврил на войне
за Россию с врагом воевали...
. . . . . .
Ток зарос на отцовском гумне,
и хлеба на корню загнивали...
. . . . . .
Две жалмерки... внученок Андрей,
сам Назарыч. А пай — солонцовый...
Справил седла, одёжу, коней —
девять сот задолжался целковых.

3.

Вечерами под прялошный шум,
над газетой склонившися с дедом,
без запинки Андрюшка читал
про войну, про бои и победы.
Загорались у деда глаза —
времена вспоминались былые...
И у баб за слезою слеза
упадали в клубки шерстяные.
А в сенях, на соломе, Кутьку
сны про молодость долгие снятся:
будто он разгоняет котов
по верхушкам станичных акаций...
. . . . . .
Высоко поднималась луна,

по станице огни потухали,
и, оставя в кормушках овес,
в стойлах сытые кони дремали.

4.

И весной, выезжая на степь
поглядеть на озимые всходы,
умилялся Назарыч красе
степовой полудикой природы.
И, волненья не в силах сдержать,
на колени старик становился,
двухперстовым сложеньем крестясь,
на восток обернувшись, молился.
С просветленной молитвой душой
ворочался Назарыч в станицу.
И блестели в весенних лучах
тавричанки омытые спицы.
Высоко, высоко в синеве
облака пробегали гурьбою...

. . . . . .

Боже! Сколько напрасных надежд
ты убил в сотворенных Тобою!..

Глава II.

1.

Революция...
Раб вековой,
опьяненный победою легкой, —
почему ты на братьев своих
повернул нарезную винтовку?..
В полтораста миллионов голов,
сотни лет отбивая поклоны,
ты не понял, что счастье пришло
и тебе... и Кубани... и Дону...
И, в потоках крови утопив
все, что к воле рвалось из России,
перед новым властителем ты
преклонил бунтовавшую выю...

. . . . . .

Жалок, Русь, твой ничтожный удел,
как несчастье больного урода...

. . . . . .

Ты оковы надела себе,
задушив в колыбели свободу...

2.

Воротились в станицу свою
казаки... И Петро, и Гаврила...

. . . . . .

Сколько пролилось радостных слез,
сколько искренней радости было!..
И, забывши, что старость в хвосте
репяхами глубоко мостится,
от восторга носился Кутёк
по базам, по двору, по станице...
И, едва повидавшись с отцом,
убежавши от бабьего крика,
у амбара Андрюшка глядел
на седло, на отцовскую пику...
А Назарыч и светел и горд:
нынче старому радость и праздник —
ведь Гаврила вернулся — бантист,
а Петро — кавалер и урядник.

3.

Четверть водки поставил Петро...
И Гаврила... Да что его толку —
расщедрился Назарыч — ведро!
— На, Андрюшка, мотай в винопольку!
И поднялся коромыслом дым...
Пели... пили... ругались...плясали...
И, с бабёнками прячась в садах,
пьяным сном на траве засыпали.
А наутро — пошли по сабе,
Шароварились... гикали... дрались...
Трое суток прошло во хмелю,
двое суток потом отсыпались...

. . . . . .

Ловко пили прадеды вино,
да и внуки умеючи пили...
Много было нам Богом дано,
много сами мы зря загубили...

4.

Поприжухли станицы в тиши,
по церквам расползлися старушки,
и протяжный казачий напев
заменила пустая частушка —
непогодь поднялась по степи.
У коров молоко попропало,
а на небе... семь мертвых царей
бабка Скрынчиха ночью видала;
в слободе — появился совет,
гром ударил у церкви в осину;
дед Евсей, обратясь кобелем,
выл ночами на старой плотине...
Не к добру... Придавила тоска...
Ветер в вётлах надрывисто стонет...

. . . . . .

Говорят, что теперь казаков
присягать под коммуну погонят...

Глава III.

1.

Слободские станишный табун
в Рассыпном на попас не пустили...
За грудки с пастухами брались,
а подпаскам сопатки набили...
В слободу-же, в Ольховку, пришел
при орудии полк коммунистов,
и надась похвалялись хохлы —
выжечь нашу станицу дочиста...
И Евграф Митрофаныч, дьячек,
весь избитый, прибег из Ольховки:
— Забирают хохлов под гребло,
раздают самогон и винтовки...
Говорят, что казачья земля
под Россию теперь припадает,
будто Бог-то декретом смещен...
Пятый год казакам поминают...

2.

— Господа старики, обсудить
предлагаю станишному сходу...
Встал Петро:
— Что там!.. Будя!.. Давно
мы жалали России свободу,

надо выбрать станишный совет
и в Ольховку послать делегата,
вместе надо с народом иттить,
супротив подыматься не надо...
— Это што за такой за народ?
Ишь нael фронтовицкую шею!
Нас хохлы перевесть норовят,
сам ступай, коль охота, в Расею...
— И пойду... — И иди... — И пойду!..
— Да не спорьтеся вы с фулиганом,
а скажите Назарычу — он
отлатает сынка плетюганом...

3.

Загалдели, затюкали: — Га!
Кавалер, а шумишь о слободе...
Туча тучей, узнав о Петре,
появился Назарыч на сходе.
— Что, сынок, за Расею... Совет?
Наглотался солдатской науки!..
Господа старики, не могу —
на свово не подымутся руки...
— Слышь, Петро... забирай барахло —
с глаз долой уходи... за советы...
Да запомни, что в сердце моем
больше сына, урядника, нету...
Осрамил ты меня, старика,
Обесчестил семью по станице,
ну, а где попадешься — гляди!
Мне с винтовки стрелять не учиться...

4.

Поплотнее шинель запахнув,
натянувши папаху на очи,
из правления вышел Петро
и исчез в наступающей ночи...

. . . . . .

Старики до вторых петухов
про доклад пастухов говорили.
В наступленье на утро итти
На Ольховку на сборе решили.
И Назарыч коня подседлал,
и Гаврила пошел убираться...
Над речушкой поднялся туман,
начинало в степи развидняться.
Затрубили поход... Казаки
на восток широко закрестились...

. . . . . .

Дон пошел на Голгофу свою.
Под копытами травы склонились...

Глава IV.

1.

В слободе́ -- суматоха и хай —
казаки по бугру наступают.
И Грыцько, и Хома, и Тарас
трехдюймовку спеша заряжают.
Наблюдатель, Грыцько, у трубы
взлез на почту высоко на крышу,
да беда, что Тарас глуховат
и команду Грыцька не расслышал...
И потом уж Хома рассказал:
— Підкрутив панораму я мало,
потягнув... а вона як дала,
та як раз-же-ж Грицька розірвало,
Загорілася почта, біда...
Козаки по бугру застріляли,
я — тікай... правый чобіт сгубив...
Став шукать... а мене і піймали...

2.

Пять подвод полушубков одних
казаки по жнивью насбирали,
взяли пленными роту хохлов,
комиссара в кустах зарубали,
разогнали Ольховский совет,
спирт нашли и немедля распили...
И, попа в половне отыскав,
о победе молебен служили...
В паутине, пыли и муке
под амбаром скрывавшийся пристав
закусил, отряхнулся, поспал,
арестовывать стал коммунистов.
Началось...
Через несколько дней
казаки отступили в станицу
и решили окопы копать
по бугру — по казачьей границе.

3.

И дивизии с Волги пошли,
разгружались в Поворино роты.
Офицеры российских полков —
командирами красной пехоты.
О свободе оравший вчера,
козырять переставший погону,
поклонившися новым панам,
двинул ванька к притихшему Дону.
Калужанин, москвич и пензяк —
поднялася святая Россия,
повалила галдящей толпой
на широкие степи Донские...
И Брусилов, сидевший в Москве,
и Деникин, приемыш Кубани, —
вместе с карты воскресших степей
вытравляли старинные грани...

4.

Генералы сбежались на Дон,
по России утерянной ныли...
И в незнаньи своем казаки
палачей у себя откормили...
Благодарностью русской полны,
старшине обещая награды,
обманули они казаков,
Круг продали и предали Раду...
Злых деяний неслыханный счет
завершая в крови и глумленьи,
проходимец и беглый барон
нашу волю назвал преступленьем...
И страдалица — вольная степь —
От налета наносного хлама
Захлебнулась в казачьей крови
под штыками российского хама...

Глава V.

1.

Хорошо на копне зоревать...
Звуки ночи и нежны, и тонки...
. . . . . .
Да уж больно любитель брехать
подхорунжий Евтихий Турченков.
Головни поправляя рукой,
Звезд падучих следя перелеты,
говорит: „Выяжжаить Бронштейн
перед строем латышской пехоты
и шумить: — Господа казаки,
по домам — не пужайтесь — яжжайте,
но свяжите Турченкова мне,
в трибунал, под коммуну отдайте!
Между прочим — своротим ему
мы за контрривалюцию вязы,
потому — он везет саботаж
под рабоче-трудящую класу...

2.

Не стерпел я, ребята, в строю,
к командиру свому под'яжжаю:
так и так, господин есаул,
я Брунштейну ответить жалаю.
Отвечай, говорит, не боись...
На стремянах чудок я поднялся —
глядь, а Троцкий прижался к своим,
Увидал — подхорунжий, — спужалси...
Я шумлю: господа латыши,
по домам! Не пылите, ступайте,
но свяжите вы Троцкого мне,
под мою под трибуну отдайтя,
потому — он еврей и сямит,
вместо Бога у них — Мирсильеза,
а не то — порублю ни на нет
и до ветру ни разу не слезу...

3.

Видит Троцкий, что миру не быть,
закричал, замахал, заматилси...
— Эй, в атаку, ребята, ура! —
зашумел есаул и окстилси...
Как зачали мы бить латышей! —
что порубим, что вытопчут кони...
Заскакал я... а Троцкий бежит,
с ним две девки сидят в фаэтоне.
Надавил я за ним на коне...
Конь — змяя — призовик Королькова.
Зачинаю рубить — что за грех! —
По грядушке рублю — и готово!
Вынимаю тогда ривольвер
Смит-Вильсон и стрялять зачинаю...
Я первейший по Дону стрелок —
Бью в упор — а яво не сгадаю...

4.

Кэк он, братцы мои, заюжжить,
да как плюнет коню под копыта...
Очунелси... стою я в степи
И... стреляю в пустую корыту!!
... Кабы он мне глаза не отвел,
кабы я догадался окститься,
то пришлося бы с жизнью ему
от мово ривольвера проститься...
Огляделся Турченков кругом —
есть не верют... такие бывают...
все ученые, все молодежь,
а за шашку — и взяться не знают...
. . . . . .
Забелел недалекий рассвет.
— Эй! Назарыч, никак твой Гаврила!..
Ворочаются трое назад,
А в дозор только двое ходило...

Глава VI.

1.

Недоуздками глухо звеня,
кони сено жевали у фуры.
И Назарыч Петра угадал
по походке, по стройной фигуре.
Подошли... В полыхавшем огне
хворостины сырые шипели,
и Гаврила с молчащим Петром
у костра, пожимаясь, присели.
И, чеканя в предутренней мгле
потемневшие, хмурые лица,
пламя яркие искры зажгло
у Назарыча в черных зеницах.
— Што... пымалси, вояка лихой?
Много-ль ванек собрал по России,
много-ль с вами товарищей прет
на богатые пашни Донские?..

2.

Поборовши волненье, Петро
поднял тихо глаза голубые.
— Сам пришел я, когда услыхал,
что стоят против нас Терновские.
За кого вы ведете войну?
Вам царей да помещиков надо?
Это вы растранжирили Дон
за бирюльки, чины и награды!..
Обласкает Деникин старшин
в благодарность за ваши страданья,
а от дедовской воли у вас
на степи не останется званья...
Наказного пришлют из Москвы
Фон-барона Тамбовской станицы...
Что-ж! целуйте баронский сапог —
ваша служба ему пригодится...
Побледневший Назарыч молчал,
просыпая табак из кисета,
осторожно, дрожащей рукой,
козью ножку крутил из газеты.
— Та-ак, Петруха... чего говорить,
вас брехать на собак научили...
Ну, а вы-то от ваших жидов
что в награду себе получили?..
— Мы получим... Миронов сказал,
в совнаркоме когда заседали,
то республику вольную там
на Дону казакам обещали...
Заживем, как живали деды,
без Москвы, без панов и указки
и из кровных своих казаков
атамана посадим в Черкасске.

4.

Помолчали... Гаврила глядел,
улыбаяся горько, на брата.
— Эх, Петро... коли правду сказать,
нам ни наших, ни ваших не надо...
И Деникин, и Троцкий — одно.
Мы России нужны как солдаты...
И Краснов, и Деникин, и фон,
и барон, — все они — обманаты...
Атаманы в холопы ушли,
а Миронов товарищам верит...
Помни — нашей, казачьей рукой
нашу волю Россия похерит.
За одно надо нам воевать:
за присуд, да за степь, за станицы!
Всех повыместь поганой метлой
да посеять терны по границе...

Глава VII.

1.

Боже правый, все в руце твоей —
и свобода, и жизни людские,
и несчастье отчизны моей,
и кровавые зори степные...
Боже правый, я беден и сир,
но душею скорбящей убого
я молюсь... пощади... пожалей...
Бурьяны поросли по дорогам...
Боже правый, пустые шляхи,
городки, курени — погорели,
на могилах — упали кресты,
над убитыми — плачут мятели...
Боже, Боже, нет силы молчать,
сердце слышит далекие стоны...
. . . . . .
Нет, не верю я в правду Твою,
мне Твои непонятны законы...

2.

Проводили обратно Петра.
Хмуро было в душе у Гаврилы,
и Назарыча, дрогнув, рука
уходящего сына окстила.
Пораздвинув кугу и камыш,
и Гаврил, и Назарыч глядели,
как мироновцы, встретив Петра,
на коней растреноженных сели...
И, в ладонях запрятав лицо,
приваляся к одоньям спиною,
долго, долго Назарыч молчал,
захлебнувшись горючей слезою...
Скрылось солнце в задонскую синь,
потемнели безбрежные дали;
наклоняся к воде, камыши,
перед сном шелестя, зашептали...

3.

Казаки! Вы не знали, за что
жгут враги хутора и станицы!..
Смутно чувствуя правду, донцы
не пошли за казачьи границы...
Помутились сердца и умы,
заблудились в осважном тумане...
И Кулабухов — воли пророк —
смерть приял за Кубань от Кубани...
Казаки! Видно злая судьба
Атаманов степных перебила...
Казаки! Вы своею рукой
им копали сырые могилы...
Кто виновен, что крепче степей
вы чужие погоны любили?!
Кто виновен, что волю свою
вы сознательно сами убили?!

4.

Кто виновен, что в пьяном чаду
мы махаем красивые речи,
но пред каждым корнетом во фронт
стать готовы при первой же встрече?
Кто виновен, что смерти в глаза
мы не раз, не моргнувши, глядели,
но сказать о желаньях своих
и о праве своем — не посмели?
. . . . . .
Все проходит... И наши часы
сокращаются с каждым мгновеньем.
И десятки казачьих могил
предадутся потомством забвенью...
Все проходит... но праведен Бог,
и я верю, что эти деянья
не закроют позором своим
старой славы степное сиянье...
. . . . . .

Глава VIII.

1.

Мягко ночь опустилась на степь,
отгорели багрово зарницы,
и последний казачий раз'езд
отступил ввечеру из станицы...
Тихо... Тихо... Ни стонов, ни слез
не слыхать в куренях опустелых...
Ветер, прячась пугливо в садах,
пробежал меж кустов оробелых.
Сбились ветлы у самой воды,
Смолк давно за околицей топот,
и чуть слышно в сухом камыше
прошуршал неразборчивый шопот...
. . . . . .
А на утро наверно придут,
будут рыскать по целой станице,
будут в небо и в Бога, и в мать
в душу — радостно будут матиться...

2.

Разгуляется русская ширь,
осквернит алтари и иконы...
От насилий, пажаров, крови
русским духом запахнет по Дону...
Ночью, мнится, — казачьи дворы,
ряд гробов у могилы разрытой...
Мнится, — выплакав слезы свои,
пала Воля над Славой убитой...
. . . . . .
В курене на краю, у прудов —
разговор заглушенный, негромкий.
Звонко шопот звенит в темноте:

говорит подхорунжий Турченков.
Лишь цыгарка порой озарит
загорелые, темные лица,
да вздохнет в неизбывной тоске
вольный ветер в пустынной станице.

3.

— Мне-то что, я на свете один,
как пенек на непаханом поле...
Надоело мне, братцы мои,
жить без роду, без племя и доли —
я бабенку одну полюбил,
беспременно хотел обвенчаться,
между прочим однако узнал...
И — закаялся больше влюбляться...
Что касаемо Дону — нехай,
кто охочий, идет отступает,
я — останусь в станице своей —
чай найдется, кто в земь закопает...
Затянулись...
Назарыч вздохнул.
— Слава батюшке Тихому Дону,
ну, а мне от свово куреня
уходить — нет такого резону.

4.

Баб с Андрюшкой забрал Атаман;
может, выйдет Андрюшка-то в люди...
Он и мне, и отцу обещал:
в заграницах про Дон не забудет!..
Правду я говорю али нет?!
Вздрогнул молча куривший Гаврила:
— Так, папаня, их Бог сбережет
и пошлет и терпенья, и силы.
Чем скитаться нам в людях чужих
под насмешку, под взгляд сожаленья, —
напоследок схватиться с врагом
и не знать о позоре плененья!
Мы зарыли таланы свои,
мы служили, просили и... пели...
Так умрем же за волю свою,
Коли жить для нее не умели...

Глава IX.

1.

Утро ранние искры зажгло,
полетели лучи золотые —
озарили пустынную степь,
курени обожгли терновские...
. . . . . .
Далеко, далеко на степи
замаячили красных дозоры.
И Турченков, Назарыч, Гаврил
осмотрели, проверив, затворы.
У канавы за жидким плетнем
залегли, помолившися Богу.
Ближе... ближе... Три роты идет
по степи напрямик, без дороги.
— Гей, Назарыч, гляди — не подгадь...
У Гаврилы ладони горели...
— Слышь, Турченков, — сычас садану —
замотался ванёк на прицеле...

2.

Грянул залп, раскатился второй.
пули песни короткие пели...
На примятой росистой траве
пятна крови, дымясь, заалели...
. . . . . .
До полдня продержались донцы.
В полдень, охнув, Назарыч забился
и, раскинувши руки, хрипя,
у канавы ничком повалился...
. . . . . .
Закусивши до крови губу,
расстрелял все патроны Гаврила...
И горячая пуля ему
у виска бескозырку пробила...
. . . . . .
И Турченков без промаху бил
хладнокровно, по выбору, ловко...
Оставался последний патрон...
... Замолчала казачья винтовка...

3.

А под вечер Петро прискакал —
повидится с родными бы надо...
Входит... пусто... разбитый курень...
Пулей сбитая — пала лампада...
Никого... выбегает во двор,
звук шагов разбивается глухо...
. . . . . .
За базами наткнулся Петро
в темноте на застывшие трупы.
Сердце дрогнуло... Может ли быть?..
В горле камнем рыдание стало...
. . . . . .
Солнце утренним первым лучем
по Петровым кудрям заиграло...
Всю-то ночь просидел напролет...
Ни заплакать не мог, ни молиться...
Встал на утро... что пьяный... пошел ..
Повстречал комиссара станицы.

4.

— Что, товарищ, гостинец видал?...
Шашка, взмывши змеей, засверкала...
Тяжело в бархатистую пыль
Комиссарское тело упало.
И в налившихся кровью глазах
загорелись безумья зарницы...
... Хорошо, заскочивши во двор,
с ошалевшей пехотой рубиться!..

И подняли его на штыки,
только шашка к руке прикипела...

Закопали в казачьей земле
все четыре исколотых тела...

Измывались над трупами всласть,
сапогами, прикладами били...

Восемнадцать побитых ваньков
с комиссаром отдельно зарыли...

Глава X.

1.

Все, кажись?...
Да! В двадцатом году
загорелася ночью станица.
Вся сгорела. Теперь там колхоз,
мужики начинают селиться...

2.

А Андрюшка?
Андрюшка ушел.
Он — студент... и мальчишка смышленый...
Бабы где?..
Их могилы давно
заровнялись над батюшкой Доном...

3.

. . . . . .
. . . . . .

В темноте, в полночи
на икону гляну...
Верю, верю, Боже,
люди есть у нас!
Воскресает Воля
старых Атаманов,
заалеет снова
на Дону лампас...
И тогда, героям
возглашая славу,
мы слезой помянем
удалых бойцов,
мы любовь прославим,
вспомним месть святую,
отомстим за горе
дедов и отцов...
. . . . . .

Иван Томаревский. *(Болгария).*

ПОСЛЕ УХОДА.

Когда с степей мы уходили,
За нами вихри снег крутили,
И ветер яростно свистал...
Станицы заревом пылали,
С слезами семьи провожали,
И Дон бушующий стонал...
Прошла зима, и степь родная,
Сынов с чужбины ожидая,
Покрыла снова все травой,
Цветами — пестрыми коврами,
И вновь, как прежде, ковылями, —
Воскрес как будто б край донской...
Напрасно степи только ждали,
Себя цветами убирали —
Детей потешить не пришлось...
Казачий взор видал другое
Вдали от Дона — все чужое...
В удел им горькое далось...
И грусть на степи опустилась,
Слезой — росой они умылись,
Поникли травы и цветы,
Курганы больше поседели
И вглубь земли вошли, осели...
Засохли в горе ковыли...
Ни песен, смеха, разговора,
Не видно радости во взорах, —
Все было в горе и слезах...
И лишь палач гулял на воле,
Не знал, не ведал, подлый, горя,
Засев вампиром на полях...
Но время сжалилось: прильнуло
К степи широкой и шепнуло,
Что недалек уж день расцвета —
Казак вернется из неволи,
Воскреснет Дон — казачье поле
В сияньи славы, воли, света!

Петр Крюков. *(Франция).*

МОЙ ПЕРНАЧ.

Молодость далекая
Рано улетела;
Жизнь-же одинокая
Мне уж надоела!
В жизни что я встретил?
— Лишь несчастий море.
Кто меня приветил?
— Лишь казачье горе.
А душа тоскует:
Нет у меня друга!
Гей!.. Казак горюет! —
Где-ж его подруга?..
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Мне харунка — Воля,
Клич — сары-азманы,
Цель — Войскам всем Доля,
Все мы — атаманы!..
Гей! Казак горюет! —
Где-ж его подруга?
Или не тоскует?
Иль забыла друга?..
Я, рукой могучей
Песнь-пернач вздымая,
Молнией летучей
Клич шлю в край из края:
— Гей! Сары азманы!
Месть за кровь казачью!
К Воле, атаманы!
К черту — жизнь собачью!..

Прозревай, слепые —
Мой пернач сверкает!
Слушайте, глухие —
Клич мой громыхает!..
Где-ж моя подруга?..
Ах! Ты здесь, стальная!
Ты мне — милей друга,
Смертно-ледяная!
. . . . . .
. . . . . .
Шлях к Казачьей Воле
Песней я намечу;
За Народ мой в поле
С шашкой ринусь в сечу!..

31-XII-1933 г.

Петр Мервликин. *(Белград).*

НЕКОТОРЫМ РОДИЧАМ.

Вам не понять моих стремлений
И не понять моей души,
Как не понять и тех мучений,
Что ночь таит в своей тиши...

Мне дорог час, когда услышу топот
Под Черным Рыцарем летящего коня —
Замолкнет вдруг на Бога ропот,
И нет забот сегодняшнего дня...

Тот Черный Витязь, витязь чести,
Усталой воле жизнь дает,
Хранит огонь желанной мести
И в бой за ширь степей зовет...

. . . . . .

Награда мне — величье Края!

. . . . . .

Пред вечным сном прославлю, умирая,
К нему любовь, звенящую в душе.
Порыв ее — на Диком Поле
Да там, где ветер в камыше
Шумит степям о лучшей доле.

Сергій Савицький. *(Бразилія).*

* * *

Ой, серця шматок відірвався,
Козачого серця в степу,
Як лицарь за волю змагався
В шалену криваву добу...

Тепер він блука на чужині.
Летять на край світа літа.
А з серця йому і до нині
Кров капа гаряча, свята...

Не згоїться рана ніколи
Йому у сумній чужині,
Бо-ж серця шматок козакові
Лишився на рідній землі!..

РЕДАКЦИЯ „ВК"
поздравляет всех вольных казаков — сотрудников и читателей — там, в Родимых Краях, и здесь, в рассеянии, сущих с Праздником Светлого Христова Воскресения.
Христос Воскрес!
Воскреснет и Казачество.

На юбилейные и иные темы.

150 номеров. Еще один рубеж, на котором следует остановиться, чтобы оглянуться назад и посмотреть вперед.

Оглянуться назад и — проверить пройденный путь, учесть успехи и неудачи, подсчитать свои силы и силы противников.

Посмотреть вперед и — определить задачи до следующего рубежа, принять во внимание окружающую обстановку, рассчитать свои силы и составить план и порядок работы и действий.

Сделаем это мы. Сделают это и все вольные казаки. А чтобы легче им это было сделать, пусть каждый из них сравнит политическую жизнь казачьей эмиграции раньше и теперь, сравнит формулировку и состояние Казачьего Вопроса до и после 10 декабря 1927 года, вспомнит и сравнит решение Казачьего Вопроса разными казачьими и неказачьими течениями и группировками с решением его программою и движением В. К.

Лучшей и наиболее верной оценкой работы 150 номеров »В. К.« является, несомненно, то, что среди вольных казаков нет сейчас спора о направлении дальнейшего пути — вехи расставлены правильно, маяки зажжены на своих местах... Менять нам действительно нечего, надо продолжать начатое — очередные задачи ясны и Конечная Цель — неизменна!

Итак, путь наш ясен. Но мы никогда не говорили, что он легок. Не раз мы говорили уже и о том, что некоторые трудности на своем пути создаем мы сами... А, по совести говоря, сил у нас не так уж много, чтобы позволять себе эту роскошь... Дай Бог, чтобы их хватило на борьбу с силами и препятствиями противника. Тем более мы, вольные казаки, должны были бы беречь

свои силы от перегрузки их вредными или мертвыми грузами своего собственного происхождения, что и без того напряжение их, наших сил, уже сейчас предельное, а отдыха мы не можем позволить себе раньше, чем не дойдем до намеченного нами конца и не прежде, чем осуществим поставленные цели. Поэтому, в будущем, на следующем этапе нашего пути — меньше трат своих сил на внутренние трения, ведь их и так много нужно на »трения« о камни и терны придорожные, на одоление сопротивления врага.

Вот почему нам, вольным казакам, придется в будущем быть более строгими к тем из нашей среды, которые намеренно вставляют палки в винты и колеса нашего Вольноказачьего корабля. С праздниками и юбилеями можем ждать лучших времен, награды будем давать потом там, дома... Карать же вредителей — все равно, своих или подосланных — следует без промедления...

——

В интересах дела следует время от времени говорить не только об итогах своей работы и планах на будущее, но и о той обстановке, в которой приходится работать. А она у нас не легкая, чаще трудная и тяжелая. Еще труднее и тяжелее становится она иногда по вине некоторых »своих« же. Повторяем: это преступление — тратить силы на преодоление »внутренних трений« в то время, как они так нужны на других фронтах и направлениях. К сожалению, до сих пор мы не могли избежать этого...

Накануне 150 номера »В. К.«, на седьмом году работы, мы пережили как раз попытку опрокинуть ВК движение... Хотя »бой« с »оппозицией« кончен, хотя усилия ее окончились неудачей, но сказать несколько слов »эпилогом« следует, т. к. не исключена возможность и »повторения« или нового какого »похода«...

Как и во всякой борьбе, так и в политической, возможны и успехи, и неудачи. И те и другие зависят не только от своих сил и уменья вести борьбу, но и от сил и уменья противников. Никакое политическое движение не может гарантировать себя от появления той или иной »оппозиции« или застраховать себя от противодействия противников. Но надо быть всегда на чеку, надо всегда уметь отразить врага и обеспечить конечное торжество своему делу. Это последнее зависит не только от возглавления, но и от всех рядовых членов организации.

Пишем в данном случае не для полемики с оппозицией и не для оппозиции. Пишем для тех вольных казаков, которых »смутило« выступление »оппозиции«. Хотя и на этот раз вольные казаки отвергли — и весьма единодушно — попытку разбить свое движение (как отвергли и самих покушавшихся), тем не менее мы хотим воспользоваться настоящим поводом, чтобы поставить вопрос вообще об »оппозициях« несколько шире и раз и навсегда поставить некоторые точки над і. Принуждает нас к тому и то обстоятельство, не представляющее уже секрета, что следующая »проба« развалить ВК движение будет исходить от наших прямых врагов — большевиков. Неизвестным остается пока вопрос о том, как и когда это будет сделано: »зацепятся« ли они за »хвост« какой либо »оппозиции« (через »третьи«, конечно, руки), или организуют одну из следующих »оппозиций« самостоятельно, или попробуют дело с организацией »параллельной« (»конкурирующей«!)... — Не думаете же вы, вольные казаки, что если мы готовимся и собирасмся к борьбе, то наш противник ничего не делает и делать ровно ничего не будет, и что он не попробует сам бороться с движением раньше, чем оно опрокинет его...

Признаемся, что пишем эти строки и для того еще, чтобы в момент появления на свет новой какой либо »оппозиции« нам пришлось бы писать меньше писем, меньше ответов и об'яснений на всякого рода тревожные письма и запросы. А мы этого хотели бы — и очень хотели бы! — В самом деле, представьте себе, братья вольные казаки, что — в интересах своих или в интересах нашего врага — появилась на свет »оппозиция«, у которой нет никакой аргументации, с которой она могла бы открыто идти в вольноказачью среду, но у которой есть одна цель: разбить или по крайней мере затормозить ВК движение. Представьте себе далее, что эта »оппозиция«, за неимением других аргументов, прибегает ко лжи и клевете... — Положение Центра В. К. (все равно — будет ли он единоличным или коллективным) может стать тем труднее, чем больше в среде вольных казаков будет маловерных или неискушенных в тонкостях политической борьбы. — Представьте себе только, что Центр, для того, чтобы »не упустить из рук« этих маловерных или слишком доверчивых к противникам вольных казаков, легко поддающихся »панике«, будет все время опровергать, разоблачать и уличать »оппозицию«. — Делать это тому, кто не имеет за собою вины, не так трудно, но — есть следующее »но«:

»оппозиция« все свои силы, средства и время тратит исключительно на нападение. На отражение такого нападения нужно столько же почти сил, средств и времени.

Представьте себе, что все нападения »оппозиции« отбиты. — И тем не менее, цели своей »оппозиция« достигнет, ибо

она на значительное время оттянет силы Центра от его прямых и непосредственных задач. А противникам В. К. это только и нужно. Создавая потом одну »оппозицию« за другой, враги могут вообще приостановить нашу работу, если мы все время будем оппонировать и спорить с ними, а не дадим

им раз и навсегда один — надлежащий в таких случаях — ответ: руки прочь!...

Повторяем: нельзя застраховаться от появления какой либо »оппозиции«, как нельзя ожидать того, что наши противники не будут с нами бороться. Но обеспечить успех движению зависит прежде всего от нас, вольных казаков. Для этого надо всегда иметь перед собою конечные наши цели и те пути, какими к достижению этих целей мы идем. Одновременно не надо упускать из виду и задач »попутных« — очередных задач каждого из этапов нашей борьбы... Не менее важным является и распределение своих сил — как можно меньше расходовать их на ненужное и второстепенное, как можно лучше сосредотачивать их на направлении главном...

Какова наша цель и что самое главное должно быть всегда перед нами? — Самое главное сейчас и всегда это — выиграть, достичь цели и осуществить задачи, поставленные ВК программой. Этому приказу должно быть подчинено все поведение, работа и действия вольных казаков.

Но не надо забывать и того, что достичь нашей конечной цели нельзя без решения целого ряда задач по дороге к цели — больших и малых задач каждого этапа движения. Такие задачи оставило нам наше прошлое. Такие задачи-»затруднения« создали казаки себе неудачами недавней своей борьбы. Такие задачи-»осложнения« создаем мы себе сами иногда и теперь... Такие задачи-»препятствия« ставит нам внешний мир, особенно та часть его, какая, в своих интересах, ведет политику поддержки советской Москвы... — Все эти задачи и препятствия надо знать, уметь их учитывать и надлежащим образом решать, преодолевать и бороться с ними.

Как видим, чтобы нам, вольным казакам, достичь нашей конечной цели, нам нужно очень много сделать по дороге к этой цели, по дороге к Казакии и в Казакию...

Своего государства может добиться только народ, национально себя осознавший, об'единившийся около своей национально- освободительной программы и решивший добиваться осуществления ее всеми средствами, не останавливаясь ни перед чем, жертвуя для того всем, вплоть до жизни...

Задачи национального освобождения не осуществляются народами сразу и вдруг. Обыкновенно, такие задачи выполняются несколькими, иногда многими, поколениями. Одни поколения, национально пробудившись, начинали создавать свою национальную литературу, начинали бороться за свою школу; следующие формулируют потом свою политическую и национально-освободительную программу... Кончают задачу третьи, четвертые и т. д. поколения, прошедшие свою школу, воспитанные и выросшие на своей национальной программе и активно, большей частью с оружием в руках, выступившие за ее осуществление. В такие моменты споров о программе уже нет, споры могут быть лишь о путях и средствах к осуществлению поставленных национальных задач.

В нашей казачьей среде — между самостийниками и »русскими казаками« — спор идет еще по самому существу казачьего вопроса, мы спорим еще до сих пор о том, имеет ли право вообще казачий вопрос на самостоятельное существование и на самостоятельное — без подчинения другому вопросу — решение.

Кроме того, наша особенность и наша трудность в том, что мы, в. казаки, все свои задачи хотим решить одним поколением. Мы хотим поставить задачи, проделать всю большую и сложную, ответственную и требующую много времени подготовку и выиграть самый бой в »ускоренном порядке«... — Задача больше, чем трудная, возможная только при напряжении всех сил...

Другая особенность нашего дела (и вытекающие отсюда трудности) — необходимость спешить. Сами события, сама обстановка там требуют того от нас. Ибо ни один народ в истории не подвергался таким смертельным испытаниям, каким подвергается ныне Казачество; никогда еще между эмиграцией и ее Родиной не было такой непроходимой стены, какая воздвигнута ныне красными оккупантами между нами и нашими Землями... Вот почему мы не можем предоставить все »естественному« ходу событий, ибо враги наши тоже спешат, они тоже не хотят естественного хода событий.

Третья трудность нашего положения та, что только одних наших сил для единоборства с нашим врагом мало. Даже об'единение всех борющихся ныне за свое освобождение народов Советского Союза не при всяких условиях может рассчитывать на успех, ибо враг вооружен, а мы все безоружны; враг организован, а все другие народы, особенно Казачество, им обезоружены, дезорганизованы и придавлены... Вот почему дело нашего освобождения во многом зависит и от внешней обстановки, от предварительного ослабления нашего врага внешними ударами и внешними неудачами...

Четвертое наше большое препятствие — недостаток политически опытной своей интеллигенции. Не будем повторяться здесь о роли интеллигенции во всяком освободительном движении — в свое время на страницах »В. К.« говорилось об этом достаточно. Напомним только, что без подготовленных кадров своей интеллигенции, могущих обслужить, как период борьбы, так и время организации своего государства, ни один народ не может справиться в полной мере со всеми

задачами своей освободительно-политической, социальной и государственной программы. Но, ведь, задачу создания достаточного числа своих интеллигентных сил тоже сразу решить нельзя.

Наша в. к. интеллигенция сейчас — это герои-партизаны, это — инициаторы-энтузиасты... Слава им! Без них начало освободительного движения вообще немыслимо. Но нам нужна уже теперь политически опытная интеллигенция, как нужен офицерский состав армии...

Такую казачью интеллигенцию может дать только мать вольная казачка, казачья школа и постепенно само движение. Вот почему голос матери-казачки в прошлом номере нашего журнала должны услышать все вольные казаки... Раз хотим серьезно строить свой Дом, надо серьезно закладывать и фундамент его...

Пятым минусом нашего нынешнего периода — нашего начала политическо--освободительного движения — является неопытность, неискушенность казаков в политической борьбе, незнание приемов и методов ее ведения, проистекающее отсюда неуменье правильно оценивать свою и внешнюю обстановку, равно как и неправильно учитывать силы и влияние противника... Отсюда родятся кое когда несбывающиеся иллюзии, сменяющиеся большими чем следует разочарованиями. В результате своей неопытности, казаки тратят иногда много сил напрасно, если не считать всего этого платой »за науку«... Поможет делу здесь своя собственная практика (надо только не забывать ее уроков) и практика других народов, освободительную борьбу которых нам следует изучать прежде всего с этой точки зрения.

Мы не сомневаемся, что читатель »В. К.« нас поймет правильно: не для того, чтобы сеять в душах вольных казаков пессимизм, говорим мы о всяких трудностях, стоящих на пути нашем к заветной цели, а для того, чтобы они не не дооценивали стоящих перед нами задач, чтобы видели яснее их и затруднения перед ними, чтобы видели

нашу конечную цель, дорогу к ней ведущую, все задачи попутные и все »препятствия«, зависящие от нас самих, от »условий местности« и от воли противника, ибо

только тогда можно составить план похода и борьбы, тогда только можно рассчитать свои силы и каждому дать соответствующую задачу.

Трудности постепенно преодолеваются. Мы все время идем вперед по намеченному нами пути. Многое уже сделано, но еще больше работы и борьбы впереди. Учась на пройденном, следует с еще большим старанием готовиться к следующему этапу нашего движения.

Есть еще один вопрос, от удачного решения которого зависит много — во всяком случае не меньше, чем в армии на войне зависит от командования. Это вопрос возглавления движения. Мы не будем решать в данном случае этого вопроса, т. к. решение его принадлежит Большому Кругу (С'езду) В. К., мы коснемся только некоторых сторон его, поскольку касаться его следует уже теперь.

Чтобы правильно и удачно решить вопрос возглавления политического движения, следует, опять таки, исходить из стоящих перед движением конечных целей и попутных задач, от наших собственных сил и их распределения, от внешних условий и обстановки нашей работы и борьбы, от характера и сил противника.

Возглавление нашего движения может быть коллективным или единоличным. В обоих случаях в деле организации вольноказачьих сил может быть большая или меньшая степень демократизма или диктатуры, по скольку вообще можно говорить о ней в наших условиях. Не будем останавливаться ближе на этих вопросах, предоставив решение их Б. Кругу. Скажем лишь, что

жить на демократических принципах можно; вести войну, вести политический бой с оккупантами своей Родины демократическими методами нельзя. Еще ни одна армия в мире не была организована на началах демократизма и никогда ее не вели в бой демократическими средствами. Точно так же и с революционными политическими движениями. Бороться в своем государстве за реформы в условиях мирного времени можно; бороться за освобождение своей Родины из под власти другого народа, — а тем более народа или власти, пришедшей к нам с огнем и мечем и не признающей не только демократизма, но и самого права за нами на жизнь, — больше, чем смешно. По крайней мере — нецелесообразно против такого противника идти с демократическими методами борьбы. На кулак надо идти с кулаком.

Другой вопрос — поскольку свои собственные силы можно или следует создавать и организовывать в таких условиях на началах демократических и можно ли их демократическими путями повести на борьбу. Этот вопрос пусть решит тоже Б. Круг.

С своей стороны мы можем только припомнить здесь, что даже самые демократические государства в минуты тяжких испытаний ограничивают пользование началами демократизма и судьбу свою вверяют немногим единицам, иногда просто единицам, дают им задачи, а относительно путей и средств к достижению поставленных целей предоставляют им очень часто »карт бланш«. Яркие примеры тому все мы видели во время Мировой войны и видим сейчас у многих государств Европы и Америки.

Демократизм и народоправство хороши в мирное и спокойное время, но и самые последовательные демократы знают, что во время внешней войны или во времена революционных освободительных войн бывает необходима сильная власть, сосредоточенная в немногих руках. Даже за самый демократизм и за свободу борятся почти всегда средствами и способами не демократическими.

Думаем, что даже и из нашего собственного опыта много вольных казаков — если не все — пришли уже к убеждению, что нельзя много говорить, нельзя часто голосовать тогда, когда нужно много делать...

Наряду с вопросом возглавления ВК движения стоит не менее важный вопрос о дисциплине всех вольных казаков. Каково бы ни было возглавление, оно все равно в условиях эмиграции и рассеяния никогда не будет иметь возможности принудить выполнить поручение того, кто от выполнения его захочет уклониться. А если вольные казаки уклонились бы от исполнения требований и распоряжений своего Центра (возглавления), сам он может сделать не больше, чем может сделать сам. Без добровольного признания дисциплины невозможна в наших условиях никакая организация. Вот почему вопрос о дисциплине — о сознательной внутренней дисциплине вольных казаков будет иметь решающее значение на судьбу и результаты ВК движения. Поэтому и при решении этого вопроса каждый вольный казак пусть имеет перед собою все ту же самую заповедь, все тот же самый приказ каждого момента:

какой угодно ценой выиграть дело В. К., спасти Казачество, обеспечить ему историческое будущее.

Этой задаче, этому приказу нашей совести, этому исповеданию нашей веры — программы В. К. — должно быть подчинено все. Тогда

мы выиграем. Должны выиграть.

Трагедия Казачества.

(Очерк на тему: Казачество и Россия).

Часть II.

(Декабрь 1918 — июнь 1919).

(Продолжение).

Февральское восстание в Ставропольской губернии.

В то время, когда сторонники России среди некоторой части руководителей казаков делали все для того, чтобы Казачество подчинить генер. Деникину, политика последнего, проводимая им не только в отношении казачьих вооруженных сил на фронте в сентябре 1918 г. — январе 1919 г., но и в отношении населения районов, непосредственно подчиненных управлению этого генерала, в корне губила дело борьбы с большевизмом вообще. Выше мы уже отмечали тот печальный факт, что даже ген. Врангель принужден был в г. Ставрополе, в начале ноября 1918 г., арестовать Деникинских правителей за безобразное поведение.

Политика Деникинской администрации была направлена к защите помещиков, к возрождению старого дореволюционного административного и полицейского управления. Хлеборобское население Ставропольской губ. прекрасно знало, что в соседнем Кубанском Крае и в Донской области заведено демократическое управление, что там отбирается земля у помещеков для наделения ею малоземельных и безземельных хлеборобов... В то же время в Ставропольской губ. помещики возвращались в свои имения, всюду процветали произвол и насилия. Население роптало на Деникинские порядки. Оно не хотело возвращения старого политического и экономического строя, оно не хотело возвращения к власти тех классов населения, которые господствовали перед революцией.

1-го февраля 1919 г. в г. Екатеринодаре собиралась Кубанская Краевая Рада, а в Новочеркасске Донской Войсковой Круг. Слухи об этом разнеслись по Ставропольским степям. Ставропольское население еще яснее, еще отчетливее увидело и в острой степени осознало свое бесправное положение. И несмотря на суровый Деникинский режим, установленный в Ставропольской губ., несмотря на еще более суровую зиму 1919 г., недовольство населения скоро вылилось в открытый мятеж против Деникиина. Начальник штаба вооруженных сил Юга России, генер. Романовский, 15-го февраля 1919 г. обратился к Донскому Атаману со следующей телеграммой:

> „В Ставропольской губ. в районе сел Медвежье и Летницкое (соседние с Кубанским Краем и Донской обл.) на почве большевицкой пропаганды началось брожение, грозящее перейти в открытый мятеж“... Далее ген. Романовский просил донские власти послать донцов для подавления беспорядков.

Как видим, политика русских правителей скоро довела население Ставропольской губ. до открытого восстания. И русское командование казачьими силами приказывало казакам усмирить это восстание. Политика Деникина и вообще русских людей и здесь выявилась во всей своей „красе“: пусть население целой губернии ненавидит казаков, пусть называет их нагаечниками, царскими слугами, защитниками помещиков и т. д. Эта глубоко возмутительная политика ген. Деникина в отношении крестьянства и казачества выявилась и в следующей телеграмме его начальника штаба, ген. Романовского:

> „18 февраля 1919 г. Ставропольскому военному губернатору, генералу Науменко (Кубанский военный министр) и т. д. Главком (Деникин) приказал соединенными силами направленных отрядов и гарнизонов Кубанских и Задонских станиц самым энергичным образом привести в повиновение восставшие села“... Екатеринодар. 17 февр. 1919 г. Романовский.“

Какой цели достигал ген. Деникин, посылая гарнизоны казачьих станиц для „приведения в повиновение восставших сел“ Ставропольской губ? Среди населения этих сел он поселял ненависть к Казачеству Донскому и Кубанскому, что, без сомнения, до чрезвычайности ослабляло противобольшевицкий фронт и морально поддерживало ряды большевицких русских армий, ибо сообщения московских газет о восстаниях крестьянского населения в тылу у „белых“, во-первых, в глазах населения Великороссии давали моральное оправдание политике большевицкой власти, будто-бы стремящейся „освободить крестьян и рабочих“ от власти помещиков и

капиталистов"; во вторых, среди крестьянских масс Великороссии укрепляли мысль о необходимости уничтожения „белых" армий, дабы в самой Великороссии не допустить тех порядков, против установления которых восставало сельское население Ставропольской губ.

Так русская политика Деникина ставила измученные казачьи полки между двух огней: с одной стороны были молодые красные русские армии, наступающие на Казачьи Земли, а с другой, — отрытые восстания неказачьего населения Северного Кавказа. Когда казачий Дон и письмами, и телеграммами, и посылкой делегаций просил о крайне необходимой помощи, гарнизоны казачьих Донских и Кубанских станиц генерал Деникин посылал на усмирение хлеборобских сел соседней Ставропольской губ.

Могло ли при таких условиях Казачество надеяться на поддержку со стороны неказачьего хлеборобского населения в борьбе с большевицкими армиями?

Февральское восстание в Таганрогском округе.

Добровольческая дивизия ген. Май-Маевского появилась в Донецком бассейне в декабре 1918 г. В январе 1919 г. в распоряжение ген. Май-Маевского прибыла еще одна дивизия. Корпус ген. Май-Маевского действовал по линиям железных дорог. И здесь население Таганрогского округа на практических уроках поведения войск ген. Май-Маевского скоро поняло, к чему и какими путями идут Деникинцы. Ненависть к „освободителям России" и здесь охватила сельское население, когда оно наглядно убедилось в том, что Деникин стремится возродить старую Россию. Когда же среди населения пронесся слух о возможной мобилизации его в Добровольческую армию, ропот усилился, а в момент об'явления самой мобилизации в феврале месяце 1919 г. поднялось открытое восстание.

Ради об'ективной характеристики событий сошлемся на некоторые документы:

> „Телеграмма. Генералу Май-Маевскому, ст. Криничная. Копия. Наштаглав — Екатеринодар. 18 февраля 1919 г. По донесению станичного атамана ст. Ново-Николаевской, Таганрогского округа, в окружающих станицу волостях произошло восстание. Командарм просит распоряжения о посылке в указанный район соответствующей команды для подавления восстания и о последующем уведомлении. № 1070. Наштарм Кельчевский."

20 февраля 1919 г. окружной атаман Жученков телеграфировал о том, что восстание разрастается, что оно охватило уже 13 волостей, что восставшие имеют пулеметы. Тогда же, 20 февраля, ген. Май-Маевский сообщил о том, что на усмирение восстания хлеборобов Таганрогского округа послан 2-й Кубанский Лабинский полк.

25 февраля окружной атаман полк. Жученков сообщал в Новочеркасск следующее:

> „Отряд, высланный из гарнизона станции Кутейниково, соединился с польским эскадроном. Соединенным отрядом 23 февраля с боем взята деревня Кузнецово-Михайловка. Противник бежал на Александрово... По донесению от 23 февраля начальник пешего отряда, командированный из Амвросиевки, прошел до поселка Греково-Тимофеевского, где получил сведения, что в слободе Федоровское сконцентрированы большие силы до 2-х тысяч бунтовщиков. По донесению Лабинского полка, прибывшего вчера в селение Покровское при станции Никлиновка, 25 с боем занято селение Николаевка..."

Как видно из приведенных документов, восстание это охватило обширный район 13 волостей Таганрогского округа. И здесь проявилась характерная политика ген. Деникина: на усмирение восставших хлеборобов Таганрогского округа, отказавшихся стать под знамена „освободителей России", посланы были кубанские казаки и поляки. Как мы констатировали выше, на усмирение восставших крестьян Ставропольской губ. ген. Деникин послал донских и кубанских казаков.

Если коротко подвести итоги политики руководителей „белого" движения в освобожденных от советской власти районах, попавших под непосредственное управление Деникина, можно констатировать следующее: в конце января 1919 г. Деникин мобилизовал в Крыму только один призывной возраст (родившихся в 1897 г.), но эта мобилизация провалилась (Деникин. Очерки рус. смуты, V, 61); в феврале того же года Деникин приступил к мобилизации населения Ставропольской губ. и в Таганрогском округе Донской области, но на эту мобилизацию население ответило восстаниями. А незадолго перед этими восстаниями Кубанский казачий 9-й пластунский батальон в полном составе отказался выйти из Крыма на территорию Украины.

Так само население реагировало на политику ген. Деникина, возглавлявшего русское белое движение. А в это время (4-го февраля) мудрые казачьи политики в Указе Донского Войскового Круга Донской армии называли Добровольческую армию, а значит и ее главнокомандующего, ген. Деникина, „надеждой России". Не следует думать, что составители этого Указа под Россией подразумевали мертвую землю, леса, горы России и т. д.. Очевидно, они имели в виду живое население России. Рабочее и хлеборобское население не только не хотело поддерживать „белых" вождей, не только не хотело подчиниться генералам Деникину, Колчаку и другим „белым" вождям, но в количестве сотен тысяч заполняло русские большевицкие армии на всех фронтах. В тех же районах, которые были освобождены силою казачьего оружия от большевицких властей, население поднимало восстания против Деникина при первых попытках проведения мобилизаций в русскую Добровольческую армию.

Для какой же живой России, о которой говорилось в Указе Круга, ген. Деникин был надеждой? Ведь Великороссия — эта настоящая Россия — своими 4-мя армиями (Кожевникова, 8-я, 9-я и 1-я) уничтожала казачьи силы на Дону. Ведь хлеборобы и рабочие Северного Кавказа, Крыма и Таганрогского округа были явно настроены против Деникина.

Где же та Россия, для которой Деникин был надеждой? Разве для вдумчивых, серьезных и об'ективных людей не было ясно, что в истории с организацией Деникинских сил повторяется уже пройденная история с организацией Южно-Русской армии, против которой, как мы говорили выше, восставало хлеборобское население Воронежской губ.

Куда же и ради чего вели донских казаков казачьи политики, называя Деникина надеждой России, когда было ясно, что именно Деникин и все возглавляемое им движение было отвергнуто русским народом?

Приходится глубоко сожалеть и о том, что и Кубанская Краевая Рада, вынося 14 февраля 1919 г. постановление о безотлагательной необходимости организации Союза народов и земель, оставляла кубанские войска в распоряжении русских людей, которые были упорными и последовательными противниками постановлений Кубанской Краевой Рады и Донского Круга.

Эта в корне ошибочная казачья политика была одной из основных причин страшной трагедии Казачества... Все последующие события, затянувшиеся более чем на целый год, были только чрезвычайно дорогим и гибельным для Казачества кровавым опытом проведения в жизнь этого неестественного и недопустимого союза Казачества с „белой" Россией. Как будто для руководителей казачьей политики недостаточно было весьма поучительного опыта сотрудничества Казачества с „белой" Россией в течение предшествующего периода борьбы 1918 г. Еще во времена Атамана Каледина многие казаки требовали удаления русских добровольцев с территории Дона; еще в ноябре 1917 г. Кубанское Правительство запретило было русским генералам набирать добровольцев на Кубани. Но потом кубанцы в марте 1918 г. заключили военное соглашение с теми же русскими силами.

Нельзя сказать, что все казачьи политики не понимали колоссального вреда союза Казачества с „белой" Россией, вреда именно для дела успешной защиты от русского большевизма. И не только понимали, но и открыто указывали Казачеству на то, к каким ужасным

последствиям приводит этот союз Казачества с русскими людьми. В том же феврале 1919 г. председатель Кубанской Краевой Рады, Н. С. Рябовол, следующими словами характеризовал правительство ген. Деникина:

...„Вместо Правительства, которое стало бы во главе всех образований и опиралось бы на поддержку народов их, в Екатеринодаре создалось Особое Совещание — компания самозванцев из кадетов и черносотенцев, которое и сумело об'явить себя всероссийской властью. Эту компанию от политики, от коммерции и от монархизма мы не признаем..." (Стеногр. засед. Зак. Рады).

Однако, из такой правильной и ясной оценки не было сделано практических, последовательных, твердых и решительных выводов. Все обстоятельства борьбы властно диктовали необходимость полного разрыва Казачества с „белой" Россией. Надо было ведение всей казачьей борьбы-обороны против наступавшей красной России взять в твердые казачьи руки. Этого не было сделано. Казачья политика хромала на все ноги и вела Казачество к пропасти. И до сих пор Казачество платит страшною ценою за допущенную основную ошибку.

(*Продолжение следует*).

Ген. Т. Стариков.

Внутренняя и внешняя политика Казакии.

(Из труда автора: Организация вооруженных сил самостоятельного государства Казакии)

Мы уже говорили, что будущая внутренняя политика Казачьих Земель должна быть такой, чтобы все население их (свое, а не чужое, конечно) чувствовало и считало их своей родиной, а защиту их своей обязанностью, своим долгом.

Что касается казаков, то на этот счет спора нет. История казаков, их традиции, выработанные на протяжении веков, их психология, недавнее законодательство — все это говорит за то, что свое государство казаки создадут на началах народоправства, а общественную жизнь построят на свободе и равенстве.

Вольнолюбивые казаки, не знавшие неволи и рабства, не захотят — и психологически не смогут — угнетать кого либо. На их территории во все времена все народы пользовались свободой, несмотря на разницу религий и национального происхождения. Все, кто не изменник, не предатель и не трус, находили здесь радушный прием, жили свободно, занимались чем хотели и как хотели. А кто хотел быть казаком, становился в их ряды, защищал Дон или Запорожье. И казаки таких людей принимали в свою среду, давали право быть на Круге, выбирать должностных людей, судить, решать вопросы войны и мира и выбираться на ответственные должности самим. И с этого времени вновь принятый казак становился равноправным членом казачьей семьи.

На нынешнем языке это называется „принять гражданство, стать подданным государства".

Итак, значит, все население (граждане) казачьего государства будет равноправным во всех отношениях. Никаких сословных или классовых преимуществ не будет.

Преимуществами будет пользоваться только тот, кто работает и кто знает. Наука, труд и способности будут выдвигать людей к занятию тех или иных ответственных должностей.

Военные авторитеты придают большое значение вопросам политического и социального характера.

Ген. Головин пишет: „Социальные и политические условия, в которых живет страна, являются первыми данными, влияющими в современную эпоху на дух войска. Раньше, когда армии воспитывались оторванно от народа, положение было другое. Но теперь влияние этих двух факторов является громадным. Вот почему в современную эпоху вести войну, не популярную в массах, есть предприятие безнадежное... воевать без достаточной силы духа все равно, что воевать без пушек." (Н. Головин. Мысли об устр. вооруж. сил б. России, стр. 28).

Другой военный русский писатель А. Геруа пишет об этом так: „ Страна, где социальные и экономические отношения носят нормальный характер, где рабочий вопрос не составляет болячки времени, может быть спокойна за благополучие своей промышленности, а следовательно и за успешность своих оборонительных начинаний." (Полчища, стр. 224).

Итак, значит, настроение и дух войска, благополучие, промышленность, т. е. то, на чем покоится успех военных начинаний, — зависят от социальных и политических условий страны.

Современная война требует всех сил и средств, требует, как мы знаем из Великой войны, преданности родине и существующему политическому строю. Все это может быть достигнуто равенством и заботой о всех народах и социальных группах, населяющих Казачьи Земли. Отсюда должно вытекать все внутреннее законодательство, включая сюда и рабочее законодательство.

В деле обороны Казачьих Земель громадную, может быть наиважнейшую роль, будет играть и то, как построят казаки взаимоотношения между своими же Войсками-республиками. Будут ли они существовать отдельно и самостоятельно, или создадут союзное государство (соединенные штаты) или даже, может быть, единое государство с автономными правами входящих в него Войск, — все это будет иметь свое значение для дела обороны. На этих страницах нет возможности обсуждать подробно все эти вопросы. Но все же необходимо еще раз подчеркнуть, что с военной точки зрения совершенно нельзя допустить полной самостоятельности отдельных казачьих Войск. Казачья армия должна составить единый организм, иметь единый центр, единое командование. Только при таких условиях армия будет силой, способной справиться с теми или иными боевыми задачами. А это возможно только при тесном единении Казачьих Войск, при вхождении их в единое же государство. Самостоятельные Войска-республики не дадут сильной армии. Если они не будут об'единены единым центром, то среди них легко будут создаваться несогласия как заинтересованными в этом соседними государствами, так и теми казачьими партиями, которые по каким либо основаниям не согласны с казачьей самостоятельностью или с их тесным единством. А это может привести к таким осложнениям, которые закончатся вооруженным столкновением, следовательно и вмешательством соседей в казачьи дела. Когда-то из за Украины боролись три державы — Турки, Поляки и Русские. Кончилось дело потерей самостоятельности Украины. То же самое может случиться и с казаками. Их земли могут быть превращены в своего рода Балканы и служить яблоком раздора на востоке Европы. Только сплоченность, только единство казаков может уберечь их от этой беды.

Только единство Казачьих Войск обеспечит мир на их землях, широкое развитие торговли и промышленности, военную, политическую и экономическую мощь, т. е. все то, что надо для возрождения Казачества, для его спасения и процветания.

Только сильное казачье государство может обеспечить себе место и значение среди других народов.

В дальнейшем изложении мы будем исходить из этого единства. Все рассуждения о создании армии, о создании системы вооруженных сил будут строиться на нем.

Внешняя политика. Раньше уже говорилось о том, что сухопутные открытые границы Казачьих

Земель имеют значительное протяжение. Защита их на всех фронтах одновременно будет не под силу казачьей армии. На помощь должна придти политика. Мы знаем, что в Европе только 10 государств имеют населения больше, чем Казачьи Земли, а 17 — меньше. И тем не менее эти государства не только существуют, но и процветают. Некоторые из них весьма богаты (Бельгия, Дания, Голландия, Швейцария и др.)

Ни одно из них, даже и из тех, которые имеют население не больше двух миллионов, не желает терять свою самостоятельность. Армии всех указанных 17-ти держав в численном отношении гораздо меньше, чем будущая армия Казакии, и однако, они сохраняют и надеются сохранить свою независимость и впредь. Зависит это от политических условий, в которых живет Европа, и от той политической работы, которую ведут эти державы. Надо полагать, что и казаки при помощи своей армии и политики сумеют, как и указанные выше 17 государств, обеспечить себе независимое существование. Они должны принять все меры, чтобы уменьшить число своих врагов и число своих фронтов.

Но, теоретически рассуждая, враги Казачьих Земель могут быть со всех сторон. Создатели казачьей армии, как и всякой другой, должны представить свою страну островом среди моря. Как на него могут ринуться волны, гонимые ураганом, со всех сторон, так и на любую державу, а в том числе и на Казакию, могут быть нападения отовсюду. Военные руководители должны быть готовы отразить врага с любой стороны. А уже дело политики создать количество фронтов меньше.

Кто будет враг и кто союзник, об этом можно только гадать.

Но мы уже здесь можем задать себе вопрос: с кем мы, в интересах защиты, должны быть в союзе, и кто будет преимущественно нашим врагом? Можем ли мы, казаки, создать такое положение, при котором число могущих возникнуть против нас фронтов будет сведено к минимуму?

Политика, однако, должна вестись так, чтобы не только уменьшить силы противника на тех фронтах, на которых может возникнуть война. Это значит, что надо сделать так, чтобы на одном и том же фронте не оказались войска, принадлежащие нескольким державам, или чтобы будущий враг, имеющий бо́льшую, чем казаки армию, вынужден был бы послать часть ее против наших союзников, т. е. рассредоточить свои силы.

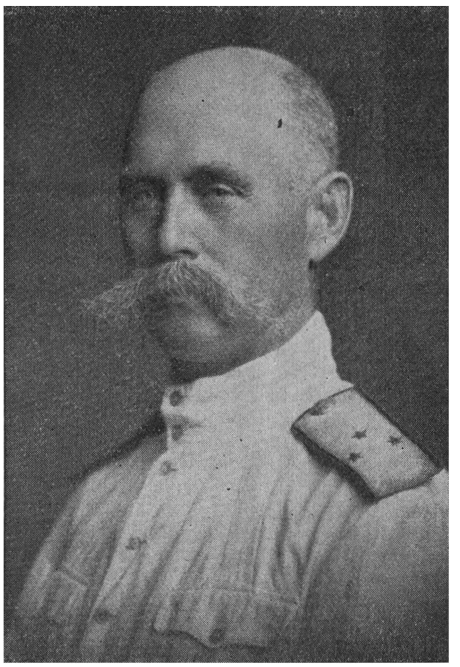
В настоящее время имеет значение не только то, что какая либо держава пошлет на помощь нашим противникам свои вооруженные силы, а и то, что она обяжется доставлять им технические средства войны. Машины, орудия, патроны, снаряды и пр. приобрели столь огромное значение в современной войне, что помощь ими будет столь же существенна, как и помощь живой силой, а в некоторых случаях даже значительнее.

Имеет огромное значение для обороны и то, чтобы во время войны сохранить внешнюю и, главным образом, морскую торговлю, обеспечить торговым кораблям выход в Средиземное море и свободное плавание их по Черному морю. При таких обстоятельствах мы сможем гораздо дольше выдержать борьбу, увеличивать свои средства и подвозить извне те предметы, которых у нас не будет хватать или которых мы совсем не будем иметь.

Итак, значит, внешняя политика казачьего государства должна вестись так, чтобы уменьшить количество своих противников и увеличить число своих союзников, уменьшить количество фронтов и уменьшить число противников на одном и том же фронте, уменьшить количество войск сильнейшего врага путем рассредоточения его сил, поставить дело так, чтобы противники наши не получили бы или не имели бы возможность получать техническую помощь извне, обеспечить внешнюю торговлю и свободное плавание своих или чужих торговых кораблей (не допустить блокады).

Разрешение всех этих вопросов создало бы для обороны границ идеальное положение. Некоторые из перечисленных вопросов не могут обсуждаться в настоящей работе, но о возможных фронтах и о ближайших, вернее, непосредственных соседях несколько слов сказать надо, иначе многие положения при дальнейшем изложении нашей темы будут неясны.

Прежде всего не все границы казачьих земель доступны и не все удобны для боевых действий.

Ген. Т. М. СТАРИКОВ,
казак ст. Екатерининской ВВД.

Мы уже говорили раньше, что берега Азовского моря не удобны для действий боевого флота, вход в само море может быть заперт в Керченском проливе. На берегах Каспийского моря нет и не предвидится скоро создание таких государств, которые имели бы большой боевой флот. Фронт по берегам этого моря может считаться как бы недоступным для действия вражеских сил. На Черном море также нет пока таких держав, которые имели бы сильный военный флот и могли бы серьезно угрожать Казачьим Землям с этой стороны. Таким образом, морские границы, составляющие свыше одной трети всех границ Казачьих Земель, или недоступны, или неудобны для действий вражеских сил. В Черном море нужна только защита свободного плавания торговых кораблей. Других же, тем более каких либо агрессивных, целей в сторону этого моря казаки иметь не будут.

Южная граница Казакии, как уже сказано выше, от границ Грузии идет по Кавказским горам, переходит горы и затем идет по северным склонам гор до Каспийского моря (район устья р. Терека).

Здесь нашими соседями являются Грузия и горские народы, которые могут создать в будущем Союз государств или Союзное государство. Эти народы несомненно будут иметь некоторые агрессивные намерения по отношению к Казачьим Землям. Во всяком случае среди эмигрантских групп есть такие, которые мечтают завладеть всеми казачьими землями до р. р. Кумы и Маныча, некоторые распространяют свои притязания на земли по Куму и по Кубань, т. е. на все земли Терских казаков и на большую часть Кубанских казаков вместе с принадлежащей им Черноморской губ. (оттор гнутой у последних в 1896 г.).

Интересно отметить, что по советским данным в 1930 г. всего населения на Северном Кавказе по Маныч и Куму определялось в 8.980.000 душ; из них на долю казаков, украинцев и русских приходилось 7.520.000 д., разных других народов 548.000 д. (армяне, немцы, латыши и евреи...) и горцев Кавказа 912.000 д.

Таким образом, горцы на указанной территории составляют совершенно незначительное меньшинство. При таких условиях горцам владеть этими землями, конечно, нельзя. По второй концепции Терские казаки должны войти в состав горской республики, на что они, надо полагать, не согласятся, тем более, что рядом с ними живут их братья по крови и по происхождению — линейные казаки. Кубанская Область в 1926 г. имела 3.253.000 д. Если допустить, что на левой стороне Кубани живет половина, т. е. 1.626.550 д., то и тогда это население по отношению к живущим на этой земле горцам составит огромное большинство. Горцев здесь только 152. 700 душ, т. е. на 100 душ всего населения горцев только 9 с небольшим человек (т. е. меньше 10%).

В Закавказье всего населения 5.860.000 д. В Дагестанской автономной республике 780.000 д. (Доклад прочитанный П. Ергушевым в Праге 24 февраля 1933 г. в Геополитическом семинаре).

Население это может быть в Союзе с горскими народами Северного Кавказа.

За северовосточной границей Казачьих Земель протекает многоводная река Волга. На правой ее стороне живут Астраханские казаки и калмыки, почти вся дельта и большая часть левого берега принадлежит казакам. Против нижней половины участка Волги Царицын-Астрахань кочуют калмыки, татары и киргизы до границ Уральского Войска. Калмыки после революции вошли в состав Астраханского Войска и назвали себя казаками. К северо-восточной границе Уральских казаков примыкают земли Оренбургских казаков. В этих двух областях 847.000 казаков, 447.500 киргизов и 115.000 татар.

Вся политика Казакии должна быть направлена к тому, чтобы весь указанный край вошел в состав единого казачьего государства на федеративных или иных началах, или стал бы самостоятельным, но союзным государством. Но как бы этот вопрос ни был разрешен, во всяком случае на северовостоке живут не враждебные нам народы, с которыми так или иначе договориться можно.

К третьей части границы бывшей Астраханской губ. примыкает немецкая республика, которая может войти в состав СССР. Таким образом, эта часть границы будет принадлежать нашим противникам даже в том случае, если Уральцы и Оренбургцы образуют самостоятельное государство или войдут в состав единой казачьей державы. Таким образом, при всех решениях северовосточного вопроса мы должны будем считаться с тем, что граница наша непосредственно будет примыкать к СССР. Но возможно, что немцы захотят жить самостоятельной жизнью. Тогда положение будет изменено. Угрозы с этой стороны нам не будет. (Политика казаков и должна заключаться в том, чтобы немцы откололись от СССР и примкнули к нам).

Довольно сложным является и вопрос о взаимоотношениях казаков с Украиной. Среди всех народов, стремящихся ныне к освобождению, Украинцы наиболее многочисленны. Население их почти в три раза больше населения казачьих земель. Граница между ними значительна по своему протяжению (460 в.) и не имеет никаких естественных преград, за исключением р. Калмиуса (120 в.). Это, так сказать, военная сторона дела. Здесь все ясно. Но вопрос усложняется тем, что в Таганрогском округе, примыкающем к границе Украины, большинство населения — украинцы. Дон и Украина приросли друг к другу и в экономическом отношении. Можно сказать, что они сидят за одним и тем же столом.

Знаменитый Донецкий каменно-угольный бассейн принадлежит и казакам, и украинцам: первым — 1/3 и вторым 2/3 всех залежей угля.

Мало этого, к украинским границам примыкают три больших металлургических завода (Макеевский в 12 в. от границы, Таганрогский в 60 в. Пастуховский в 60 в.).

Украина может претендовать на земли Таганрогского округа, донцы же без угля и заводов существовать не могут. В этом заключается вся сложность и, можно сказать, вся суть вопроса.

Со стороны Украины к Казачьим Землям прилегают также три крупных промышленных центра: Луганск (10—12 в.), Юзовка. (3—4 в.), Мариуполь (на самой границе). В первом помещается огромный паровозостроительный и патронный заводы. Второй становится крупным центром всего промышленнаго района. В Мариуполе первоклассный сталелитейный завод и лучший в Азовском море порт.

Как Украина, так и казаки, не могут допустить захвата своих углей и заводов кем бы то ни было. Потеря их поставит ту и другую страну в весьма тяжелое положение. Каждая из сторон, таким образом, существенно заинтересована в мирных отношениях друг с другом.

История дала и казакам, и украинцам два страшных урока в борьбе с Петром 1-м и с большевиками, когда и Украина и Казаки были разбиты и покорены врагом только потому, что действовали разрозненно, что между ними не было единства. Эта ошибка повела к тому, что ни при Петре, ни при большевиках казаки и украинцы не завоевали свободы. Надо думать, что разум этих двух народов и их вождей не допустит борьбы друг с другом. Наоборот, эти два народа должны составить единый фронт против общего врага и совместными усилиями добиваться свободы и независимости.

Вся политика обеих держав должна быть направлена к этой цели.

Если бы случилось так, что Казаки были бы разбиты Московскими войсками или не добились бы самостоятельности, то тогда было бы легко направить удар против Украины с двух сторон: с востока и с севера, легко было бы захватить угольный бассейн и поставить Украину в безвыходное положение.

Все говорит за то, чтобы казаки и украинцы никогда не воевали друг с другом, чтобы между ними был всегда мир.

При таких условиях у казаков остался бы единственный опасный фронт на севере. Казаки в этом направлении не имеют никаких притязаний. Но надо полагать, что новая Москва, как и Москва царских и императорских времен, будет стремиться на юг. Казакам надо это знать.

Но, конечно, не надо упускать из виду текучесть и непостоянство политических устремлений народов и их политических комбинаций. Сегодняшние друзья завтра могут стать врагами и наоборот. Военные должны это твердо помнить.

Русский о русских.

Недавно лидер „Крестьянской России“ С. С. Маслов сделал в Праге доклад на тему „Ломка и борьба“. По словам „П. Н.“ (номер от 4 сего апреля) г. Маслов признал наличие ошибок у „К. Р.“: „партия напрасно придавала исключительное значение крестьянской борьбе с властью; сейчас — значительное ослабление борьбы на „крестьянском фронте“... (Да была ли она там? Мы ее в Великороссии не только на крестьянском, но и на иных фронтах до сих пор еще не видали).

„Говоря об эмиграции, Маслов проявил себя крайним пессимистом. Роль политической эмиграции систематически слабеет. Эмиграция законсервировалась в том виде, в каком ушла из России. Эмиграция не хочет замечать нового облика современной России и напрасно отрицает достижения, осуществляемые русским населением... Оратор говорит о конце „старого капитализма“ и о большом значении итальянского и германского опытов“... („П. Н.“ от 4 апреля).

— Так говорят русские о русских и о русских делах. Поймут ли и когда и наши „русские казаки“, что рассчеты и надежды их на помощь великорусского народа в борьбе с большевиками и большевизмом вообще так же напрасны, как напрасны и беспочвенны они были и в 1918—1920 годах?

С. Е.

Пугу!!!

Люди добрі, спамятаймось — час не спить! Та ще й який час; дні рівняються найменше місяцям. Кождого дня падають величезні жертви на наших землях. Трівае свідоме винищування московською північчю свободолюбивого, колись багатого та довірливого, півдня у царстві Г. П. У.

Вже минуло 17 років від дня, коли всім наспіла можливість подумати про властні справи...

Так! Вже 17 літ інтензивного думання та завзятої боротьби багатих „окраін" проти червоної Москви. Води багато до моря утекло, а ми все на тімж місті.. Пролились ріки крові та ще більше її застигло в 22 та 33 роках — з голоду... на родючій землі..

Просто неймовірно, якась мара! Та ні! Все це на жаль (за поляглими) та на сором (живучим) є сумною правдою. Бідна (що дуже добре видно з їх господарювання) половина СССР верховодить над багатою (попри знану засаду життя: хто має більше можливости, той може більше й зробити).

Це все тому, що по однім боці є зєднаність та однодумність розбишак, а на другім ще й досі немає координації боротьби.

Чому боротьби? Чи не можна інакше?

Ні! Прецінь наскілько сяга історія, а особливо по 1917 році, північ та південь Россійської Імперії (як території) ворогують між собою. Москві завжди були немилі наші порядки і вона їх нищила навіть „з корінем" (коли здіймала з себе зафарблення та бралась до фізичного винищування „єдиноплеменних братів" — найяскравіший приклад бачимо в сучасности).

Головною причиною цеї боротьби є ріжниця в псіхічно-духових властивостях, а тим і суспільно-політичних (громадських) потребах москалів, з одного боку, та всіх східньо-славянських народів „окраіних" від Новгороду й Пскову починаючи і на послідньому пікеті у затоку Посьєта (біля Кореї) кінчаючи. Короче — борьба випливає з суперечництва між мужицтвом та козацтвом.

Характеристичною рисою московського народу є те, що він не може чи не хоче жити з властної праці як вільний серед рівних. Москаль або диктує іншим, як і що робити (управитель), або є мужиком, який витрімa всякі пониження, аби тіки мав що наїстися.

Козак, навпаки, найвище за все ціне свою людську гідність, яку боронить у одвертім бою. Навіть, коли зломиться йому меч або випаде знесиленням, то він радше воліє голодну смерть, ніж працювати у наїзднika за краєць хліба. По доброму від нього дістанеш все найліпшого, що має, по злому-ж — хіба тіки по смерті. Доказом на це є факт, що зараз боротьба дійшла до воління голодної смерти, ніж працювати на панщині III „інтернаціоналу". (На цей III. інт. треба дивитися як на новітній московський месіянізм — просто внадидло, — яким мусила замінити гасла „єдности трієдиного русского народа" та „освободительниці славян" з огляду на новітчі соціяльні здвиги).

Чи може прийти до мирного вирішення цеї справи?

Ні! Тут зустрілися два протилежні світогляди, які погодити неможливо. Вирішень на це може бути два: або один знище другого, або обидва відсепаруються (відділяться) і, забезпечив своє існування на зовні, мирним шляхом, пізніше, навіть співпрацювати зможуть як сусід з сусідом (правда, боротьба духовних світів завжди буде, але тут вже будуть вирішувати не кулаки, а розумна розвага та житьовий досвід).

З цього виходе: або піддатися (що значить: духове або економічне рабство, а то й обоє разом), або боротись завзято до кінця — або пан, або пропав.

Історія та дійсність нас повчають, що побіджує сила — орґанізованість та упертя.

Просто в житті ми бачимо, що перед злодіями можна рятуватися тільки через орґанізованність заінтересованих в охороні. (Як що тепер державну орґанізованість спонукає цівілізація, то раніш примушуючими були напастники). Кожда держава — як орґанізація співжиття — має поліцію на забезпечення майна та свободи громадян. Вихідці до Дикого Поля мусіли орґанізовувати сїйки проти наїздів татар. В часі революційного безвластя ми бачимо самооборону.

Подібність обставин всіх народів, які боряться проти московських наїзників, мусять привести нас до висновку, що треба й нам, в цім випадку, обєднатися (хоч на час поки Москва не страте охоту) на принципі співпраці (принаймні у формі тіснішого військового союзу).

Спонук до цього є більше: 1. Московщина сама є численно і технично сильніша за кождого з їй підвласних; та

2. Хижак не має що іншого на ділі (поки не буде примушений жити з властного дорібку), як панування, а кождий з нас мусив би при внутрішній праці ввесь час „стригти ухама" на Москву (а то чого доброго найдеться ще й інший „стрілець").

Яким способом мається це обєднання до боротьби та забезпечення здобутків переводитись та в якім розсязі, нам мають вказати обставини. Головною передумовою хоч найменшого співробітництва є признання обома сторонами (між собою) справедливости, як непохитнього фундаменту.

Найболючішою справою при визвольній боротьбі всього південного бльоку буде питання взаємних розмежувань. Це питання мається вирішуватись не компромісами — які не є вирішенням, але лише відкладанням на дальший час, — але, одиноко справедливым способом, волею мешканців спірних територій. А при цім спірна зона, до часу вирішення справи, мається бути усамостійнена.

Погодимося ми на цім? Як що так, то можемо сказати наперед, що до координації спільної боротьби нічого не стоїть на перешкоді.

З окрема — до братів моїх українців (також козаків! хоч би й не в Козакії або й так) у смутні роковини Переяславу (1654 р.), Полтави (1709 р.), позбавлення посліднього гетмана влади (1764 р. — не як гетманату, а як символу певної самостійности), скасування самостійних законів на Україні (1834 р.) та на память народження генія українського народу Тараса Гр. Шевченка (9. березня 1814 р. *).

Всі ми згоджуємось на тім, що Т. Шевченко є генієм народа, що він персоніфікує його душу. А це значить, що те, що сказав Т. Ш., сказав його устами сам нарід.

Чогож бажає від нас нарід, як від своїх синів, нам каже Шевченко у „Посланії".

Пиши за все мусимо бути чутливими до потреб народніх та не ходить по чужих наймах.

І ніхто не бачить,
І не бачить, і не знає;
Оглухли, не чують,
Кайданами міняються...

Так клеймить він своїх сучасників, а то саме видноситься й до нас.

Закликає всіх братися до праці:

Розкуйтеся, братайтеся;
У чужому краю
Не шукайте, не питайте
Того, що не має
І на небі, а не тільки
На чужому полі...
В своїй хаті — своя правда,
У сила, і воля!

Та й праця ця має бути не чужа народньому духові; не робити експериментів з чужими річами — з чужим духом — на рідній ниві. Мимо того, ця праця має бути у формі служіння, а не водительства (видно, що вже в часи Шевченка творилось багато Проводів):

*) По старому стилю 25. лютого, але тому, що тоді розділ між новим та старим літопочтом був лише 12 днів, то виходить не на 10, а на 9 березня.

Знайшли.
Несли, несли, з чужого поля
І в Україну принесли
Великих слів велику силу,
Та більш нічого... Кричите,
Що Бог створив не на те,
Щоб ви неправді поклонились
І хилитесь, як і хилились,
І знову шкіру дерете
З братів незрячих, гречкосіїв,
І сонця правди дозрівать
В німецкі землі, на чужину
Претеся знову.

Ще більше, не то що не радить грати на водителів, а ще більше прирівнює їх до людей, які не мають пошани до батьківщини:

Просвітити, бачиш, хочуть
Метерині очі
Современними вождями,
Повести за віком
За німцями недоріку,
Сліпую каліку.

А між тим згубивши розуміння народнього грунту, не знають самі, що то як переносити з чужого поля на своє:

„Добре, брате!
Що-ж ти таке?“
„Нехай німець
Скаже: ми не знаєм!“
Оттак то ви навчаетесь
У чужому краю!

Потім і користь з того така, що нарід тіки нацьковують на себе ж. Але

Дізнаються небожата,
Чия на вас шкіра,
Та й засудять, — і премудрих
Немудрі одурять.

Тому що не життьові — абстрактні. Незнаючи-ж сучасного, не можуть розуміти минувшини, а тим і до будучна (Нації) нічого вірного бачити неможуть.

Подивітся лишень добре,
Перечитайте знову
Тую славу, та читайте
Од слова, до слова,
Не лишайте ані титла
Ніже тії коми;
Все розберіть та й спитайте
Тоді себе: що ми?
Чиї сини? яких батьків?
Ким, за що закутї?

Не пробуйте виправдуватись, що мов нарід не йшов по добрім шляху, що хтів тільки діставати, а боронити себе лишав іншим. Та ні, воно знову-ж вина ваша в тім, ши ви виставляєте щось незрозуміле проти на приклад ще незвістно якої небезпеки зі зовні. А знайте, що незвістні хитрощі (противні духові народа) є йому небезпечніші, ніж фізична боротьба —

... в день радости над вами
Розпадетьсь кара
І повіє новий огонь
З Холодного Яру!

Тому треба робити так, щоб власні брати не піднімали руки на нас, а йшли з нами, як за своїми.

Працюймо! Шукаймо!

Д. Родионов.

Гнездышко.

В двенадцати км. от железнодорожной станции, в босанском городке Горажде, в казармах, еще не так давно австрийских, помещался, теперь уже покойничек, Донской кадетский корпус. Оставив многих своих птенцов жертвой за „родной порог и угол“, Донской корпус походным порядком перешел границу Всевеликого Войска Донского и на чужих пароходах уехал далеко от Родной Земли, чтобы и на чужбине послужить Казачеству. Знакомы корпусу и пески Египта, и зеленая долина Дравы, и скалистая Герцеговина, и покрытая лесами Босния. Знакомы и хорошо знакомы. Недаром по несколько лет приходилось в них оставаться, выпуская все новых энергичных борцов за казачье имя, а в Горажде прекратить свое существование; только на долго ли — не знаю. Даст Бог, возродится он снова, но уже не на чужбине, а в родных стенах столицы Войска Донского.

Первое время заграницей в корпусе было все казачье. Мало было кадет не казаков, воспитателей не казаков почти не было. И молодые, и старые казаки любили родные Края, родные песни, и все „вечера“ начинались пением Войсковых Гимнов, и, конечно, все присутствовавшие выслушивали гимны стоя. Более горячие казачьи патриоты не довольствовались кадетскими традициями и составляли казачьи организации, как Дивизион, Кош и Булавинская станица. На собраниях этих организаций казаки-кадеты знакомились с казачьей историей, читали письма с родины, делились мнениями, обсуждали. Но кончали корпус казаки, а поступали вновь все больше русские. Казаки воспитатели, недовольные русским директором, покидали корпус. К тому же с Дальнего Востока в Югославию прибыли Омский и Хабаровский корпуса, и почти половина русских кадет было прислано „на Тихий Дон“, как многие называли Донской корпус. Прежде мало заметные столкновения между кадетами казаками и русскими росли, но донские кадеты до конца с честью держали свои традиции. В последние годы в корпусе мало было кадет-казаков, в преподавательском же персонале корпуса казаков было всего несколько человек. Русские сумели уволить большинство служащих казаков, а на их место поставить людей, с казачеством не имеющих ничего общего. Гимны казачьи уже не пелись в присутствии всего корпуса. Редко можно было на концертах услышать даже просто казачью песню, исполняемую кадетским хором. Но зато казаки, притесняемые директором, персоналом и русскими кадетами, теснее, чем когда либо, сплотились в одну дружную и крепкую семью, гордо выдерживали притеснения и споры и, проходя курс наук, находили время для того, чтобы знакомиться с политической обстановкой и прочитывать журнал „В. К.“, который получали тайком от начальства. Глядя на старших кадет, заинтересовались и младшие и тянулись к „В. К“

Последние годы, когда подходил Войсковой праздник, казаки-кадеты праздновали его в своем тесном кругу, весь же корпус не отмечал этого дня. Накануне праздника, после вечерни, собирались казаки помолиться за души усопших собратьев и казачьих героев и вымолить у Бога освобождение Родных Краев от проклятого ига. В день же праздника за бокалом вина вспоминались родные станицы, ярче вставали отцовские заветы и с особым чувством звучали казачьи песни, отражая и грусть, и гордость, и надежду молодых сердец...

В составе преподавательского персонала корпуса, на младших должностях, все же задержались казаки, у которых станичники кадеты находили в свободное время радушный прием. Весной, когда с такой силой тянет в родные станицы, выходили погреться на ярком солнышке пожилые казаки и, расправляя плечи, подставляли свои озябшие за работой в цейхгаузе спины теплым лучам. Около усатого хорунжего кубанца и пожилого донского чиновника собирались казаки послушать их рассказы про жизнь на Дону и Кубани. В это время с высоты, из-за поворота вьющегося по горе шоссе, вдруг четко в весеннем воздухе, как бы просясь еще выше в небесную синь, поближе к Богу, доносились слова казачьей песни:

Пусть вольная пташка на этой калине
Порой пропоет эту песенку мне,
Как жил-был казак далеко на чужбине
И помнил про Дон на чужой стороне...

То казаки старших классов Никифорыч, Макарыч, Гаврилыч и др., отдыхая от занятий, с казачьей песней прогуливались по босанским горам. Все выше взбирались они с одной горы на другую, поглядывали на быструю Дрину и мечтали: „вот бы еще эту перевалить, а там — наш Дон Седой струится, не спеша, спокойно“...

Внизу при звуках песни замолкал усатый хорунжий и, щурясь, старался угадать, кто именно поет. Донец, его приятель, задумчиво постукивал карандашом о забор и ловил каждое слово песни. Вспомнились ему его жена и сын, что на Дону остались, — грустно стало. Прислушивались к мотиву и казачата, стараясь его запомнить.

Здесь, в глухом, но уютном и красивом уголке Югославии, близко к природе, в Донском корпусе, под притеснениями, развивалась в молодых казаках любовь к своему казачьему. Здесь казаки могли сравнивать свое казачье с русским и, конечно, становились на сторону первого. И сильно поражало русских, что поступивший в корпус казаченок лет десяти-одиннадцати, через короткое время пел:

Не застыла в нас кровь казачья
И как бить врага не забыли мы!

Правда-ли?

В парижской непериодической русской газете „Общее Дело“, издаваемой и редактируемой В. Л. Бурцевым, в № 11 от 18 марта с. г. напечатана статья под заглавием: „Те, кто не боится света. Света больше! Света!“, касающаяся некоторой „деятельности“ ближайшего помощника ген. Богаевского — Н. М. Мельникова, мимо которой не может пройти молча казачья эмиграция и, очевидно, сам Мельников.

Вот ее текст:

„В 1-м номере „Казачьего Единства“ есть ссылка на меня, как редактора „Общего Дела“, по поводу существующих обвинений, пред'явленных известному казачьему деятелю Н. М. Мельникову.

Года три тому назад от одного невозвращенца, долго работавшего на рю Гренелль и пользовавшегося там полным доверием, я услышал рассказ о том, что туда однажды были принесены для продажи документы по казачьим делам.

По словам моего сообщителя, некто Иванов, бывший в то время жераном органа невозвращенцев, свой человек на Гренелль, приносил туда для продажи документы, список которых только что опубликован в 1-м момере „Единства Казачества“. Этот Иванов, кажется, в то время был жераном органа, редактируемого г. Мельниковым. Большевики соглашались купить эти документы и попросили на день оставить их для просмотра. В ту же ночь, в спешном порядке они сфотографировали документы и на следующий день вернули их обратно г. Иванову.

Большевики предложили за них ничтожную сумму и сделка не состоялась.

На Гренелль, по словам моего сообщителя, были очень довольны тем, что им удалось обмануть принесшего им документы, и они даром сняли с них фотографии. По его словам „у них, на Гренелль“, не сомневались, что документы приносились для продажи от Н. М. Мельникова и с его ведома. Они знали близкие отношения Н. М. Мельникова с Ивановым и поэтому не могли в этом сомневаться.

Все сообщения этого невозвращенца были ценны и по проверке всегда оказывались совершенно точными. Я не мог поэтому усомниться в точности и его рассказа об этой продаже документов на рю Гренелль. Но для поверки этих сведений я все-таки пригласил к себе г. Иванова.

Иванов, как оказалось, старый эмигрант, близкий друг Меньжинского, поддерживающий с ним сношения до последнего времени. В то время на рю Гренелль он был своим человеком. Все это не было секретом для тех, кто был знаком с ним. Г-н Иванов лично подтвердил рассказ, слышанный мною раньше от невозвращенца.

Затем подтверждение всех этих сведений я получил еще от одного человека, имевшего связи с большевиками.

Об этих полученных мною сведениях я тогда же сообщил близким для казаков людям, а когда узнал, что мои сведения стали известны в руководящих сферах казачества, то я не считал нужным выступать по этому поводу в печати и вообще заниматься дальнейшим расследованием этого дела. Я считал это делом самих казаков.

Но в настоящий момент, когда вопрос об этих документах перенесен в печать, я считаю необходимым в печати же повторить то, что я знаю по этому поводу. Полагаю, что весь этот эпизод не может остаться без формального расследования и должен быть разобран прежде всего в самой казачьей среде и при том по инициативе лиц, наиболее близких Н. М. Мельникову“.

— Помещая настоящую перепечатку из „О. Д“., мы можем только добавить, что в таких случаях следует, в интересах истины, раньше, чем вынести свой приговор, выслушать обвиняемого. Подождем и мы сначала, чтобы услышать, что скажет на все это г. Н. М. Мельников.

Думы и мысли.

Орест Козловский (*Берлин*).

Гляди, казак.

Гляди, казак: вокруг тебя
Клубами вьется саранча —
Куда ни глянешь на толпу, —
Все вьют веревку казаку...
Из всех углов несутся вои:
— Вы, казаки, ведь вы — герои!..
Смелее в бой за мать — Россию,
Не верьте больше в Казакию...
— Одна лишь родина у нас:
Варшава, Киев и Кавказ.
И несть там эллина, и несть грузина —
Лишь есть Россия неделима...
Вот, вняв концерту неделимцев,
От атаманов — их любимцев —
В скопленья нашей эмиграции
Такие сыплются реляции:
— Брехня все то про Казакию:
Спасать должны мы все Россию,
Ее мы верные сыны,
Все атаманы — молодцы.
Старорежимный генерал
(Что раз Россию уж предал),
Вспотел, пыхтя над дневником:
„Как вел борьбу я с казаком“.
В пивной мечтает „младоросс“:
— „Какой придумать купорос,
Чтоб дух казацкий задавить?
Кого б так можно подстрелить?..“
Пускай галдят о „неделимой“
Все, вместе взяты, подхалимы —
Нам дела нет до их России —
Любовь у нас лишь к Казакии...
Пятнадцать лет нас ожидая
Там, наши братья, умирая,
Свой лозунг бросили народу:
— „Гляди, казак, блюди свободу!..“

Ив. Томаревский.

Христос Воскресе!

Христос Воскресе, казаки!
Привет вам в праздник Воскресенья!
Да будут Пасхи светлой дни
В изгнаньи вашем всем весельем.
Да будет Пасха торжеством,
Надеждой вашей впереди —
Ее встречать в краю родном...
Христос Воскресе, казаки!
Надейтесь, верьте в чудеса, —
И край родной увидит вас,
Воскресши с вами навсегда...
Христос Воскресе в третий раз!

Братьям казакам, идущим за русскими вождями.

Как служивший в Атаманском полку Гвардейской бригады, я знаю, сколько пролилось молодой казачьей крови во время большевицкой войны, когда нас, молодых казаков, заставляли идти в Россию и навязывать русскому народу власть тогдашних белых русских вождей. Всиомнить хотя бы Воронежские поля! Сколько молодых казачьих жизней было отдано! И за что, во имя чего? — Только за то, чтобы попытаться вернуть „вождям" потерянные ими власть и земли...

А вы, братья казаки, и до сих пор продолжаете идти за русскими вождями, которые только о том и мечтают, чтобы снова вашими головами завоевывать свои права и вашими трупами устилать путь до ненужной нам Москвы.

На уроках прошлого учатся .. Нам не нужно было слушать русских вождей; вместо этого, нам нужно было освободить свои Края и сказать русским людям: „Вы устраивайтесь у себя, как хотите, а к нам не лезьте". Пришельцам же нужно было сказать: „Не мешайте нам устраивать казачье государство". К сожалению, мы этого не сделали...

Все мы помним, как принимал нас русский народ, который мы хотели освободить от большевиков. Сколько было случаев, когда мужики стреляли по отставшим казакам!

Все мы также помним, как относились белые вожди к нам, казакам. В то время, как мы, босые, оборванные, голодные, трясясь от холода, должны были находиться на позиции, уланы-Чугуевцы, например, после того как их потрепали большевики, формировались в тылу, одетые в новые английские сапоги, френчи и шинели... Неужели все это забылось? Неужели опять, забыв все, вы пойдете за русскими вождями и их приспешниками из казаков? Снова думаете идти освобождать Россию? От кого же вы будете освобождать ее? От большевиков? — Да ведь большевики — те же русские люди.

Да и с кем вы пойдете освобождать ее? Ведь русская эмиграция разбилась на великое множество всевозможных партий и группировок. С какой же из этих партий вы пойдете освобождать Россию? Да и пойдут ли эти партии? И не ухаживают ли они за казаками только для того, чтобы самим не ходить, а снова послать казаков?

Нет, братья казаки, вы должны оставить русско-казачьих вождей как можно скорее и стать на истинный казачий шлях, примкнув к казачьим националистам, которые твердыми и уверенными шагами идут по пути борьбы за освобождение казачьего народа из под московского ига. Вы должны стать в ряды вольных казáков и вместе с ними идти вперед с кличем —

Слава Казачеству!

Казак Д. Войска **В. Д. Позднышев.**

10-III-1934, Суботица.

Только за Казачество!

Милостивый государь г. Редактор!

Позвольте мне, старому кубанскому казаку, поделиться с читателями уважаемого журнала „ВК" некоторыми своми мыслями.

Читая усердно и с большой охотой „ВК" и наблюдая за поведением наших вождей, я в конце концов убедился, что последние действительно давно уже перестали интересоваться судьбой Казачества, ведя компанию с каким то воинским союзом, которому нет никакого дела до казачьих нужд и интересов. Этому союзу, как и всем русским партиям, казаки нужны только до тех пор, пока их можно так или иначе использовать. Здесь, в Бельгии, например, руководители воинского союза ставят казаков на задний план, когда дело касается устройства на работу. Сначала устраивают своих „картузов", потом каких то немцев, а казаки могут подождать...

Был здесь и такой случай. В 1931 году приезжал сюда ген. Миллер. После чая он поехал в Марсинелль... в кинематограф, где шел какой то русский фильм, в котором видную роль играли казаки. Во время представления некоторые бельгийцы обратились к некоему г. Муро с вопросами о казаках. Г. Муро, претендующий на знание русского языка и вообще России, дал такую характеристику казаков:

— Казаки, это — дикие люди.

Ни ген. Миллер и никто из его окружения не сочли нужным протестовать. Я тогда же написал ген. Миллеру письмо, в котором поблагодарил его за то, что он так твердо защищает казачество.

Братья казаки! Мы должны об'единиться и держаться друг друга, т. е. казак казака. Мы должны защищать только свои казачьи интересы и стоять только за свой родной Край. Не сладка наша жизнь на чужбине, много испытаний выпало на нашу долю, долго мы бродили в потемках... Не пора ли нам об'единиться во имя борьбы только за свое родное Казачество, за его спасение и свободу? Не пора ли нам понять, что кровавая Москва нам не нужна, что не стоит повторять старых авантюр, и что целью нашей должно быть одно: освобождение родной Земли и устройство спокойной мирной жизни. Если об'единимся и если будем твердыми в своих политических устремлениях, — и жизнь наша на чужбине будет легче.

Т. Дерека.

29-III-34. Бельгия.

Мой ответ младороссам.

I.

Г. Редактор! Прошу Вас поместить в „ВК" мой ответ на письмо, полученное мною от младороссов.

Милостивый государь, г. Новицкий!

Литературу вашу и „КН" я получил. Не знаю только, кто вам дал мой адрес. Я — человек совсем малограмотный и в настоящее время считаю себя аполитичным. В 1912 г. я поступил на военную службу, а конец моей службы — крымская эвакуация. Думаю, что, вы и сами знаете, что до 1917 г. на вопросы начальников я умел только отвечать: „так точно, никак нет"... Это было при „старо-россах", которые изменили своей присяге 27 февраля, нацепили на себя красные ленточки и принялись лить грязь на того, чьими вёрными защитниками они были еще недавно...

Теперь они снова меняют вехи и бегают из одной партии в другую...

Случайно попал мне в руки журнал „ВК" № 141. На странице 20 читаю о присяге младороссов-казаков: „... Подходит подполковник Цымлянский..." Да ведь это, думаю, моя станица, но все же такой фамилии не было, — я всех офицеров своей станицы знаю, как свои

В Берлинском еженедельном журнале „Kyffhäuser" (Reichsblatt des Deutschen Reichskriegerbundes „Kyffhäuser"), в номере от 8 сего апреля напечатана информационная статья по казачьему вопросу Г. А. Козловского (в отделе „Борьба национальностей в Сов. России" — „Der Kampf der Nationalitäten in Sowjetrussland).

пять пальцев... Читаю дальше. Оказывается, действительно, мой станичник, только войсковой старшина Дружакин, да еще мой сослуживец по 2-му Донскому казачьему полку, а в Крыму — по Калединовскому полку... Вот те и фунт изюму! Стал младо-казаком... В 1917 г. он прибыл во 2-й полк в чине хорунжего. Я тогда исполнял должность вахмистра. Помню, как сейчас, командир сотни приказал приготовить сотню к осмотру конского снаряжения и оружия. Является хор. Дружакин. Слово за словом, — и вдруг вылетает у него: „Вы все — бараны!" Я не стерпел и дал ему ответ: „Если мы все бараны, то вы один — осел!.."

В № 142 „ВК" сообщается о докладе полк. Чапчикова в Варне... Думаю: опять мой станичник...

Когда восстала станица Цымлянская, Чапчиков командовал партизанским отрядом. Русских людей, с которыми он в настоящее время состоит в одной организации, он называл нашими врагами... А в 1919 г., возвратившись из за Маныча, явился на сбор и приказал выпороть лучших людей своей станицы...

Мне, г. Новицкий, не по пути с такими людьми.

Я знаю, что в городе Кливланде есть организация младороссов. В этой организации есть люди старой эмиграции. Один из них не так давно был коммунистом, плевал на церковь и на всех, кто ходит в церковь...

Я не хочу лить грязь на вашу организацию, но мне хотелось бы, чтобы каждый народ имел свою собственную организацию. Так скорей мы попадем в родные Края. Вам я желаю успеха... чтобы у вас был царь с советами, а у нас, вольных казаков, будет выборный Атаман — вольный казак. И если вам удастся достигнуть того, что вы хотите, то и мы добьемся того, чего хотим. Для казака нет ничего невозможного.

С почтением к вам **В. Сосов.**

С. А. С. Ш. 10-II-34.

II.

Многоуважаемый г. Редактор!

Не откажите поместить в уважаемом журнале „ВК" мой ответ на второе письмо, полученное мною от младороссов.

Г. Новицкий!

Вы пишете, что нужно, чтобы я „познал", что вы из себя представляете... Я отлично понимаю организацию Кирилла Владимировича. Его самого я никогда не видел, брата же его Бориса Владимировича видел в 1917 г., когда он был походным Атаманом всех казачьих Войск. Вы пишете, что в Кливланде у вас нет никакой организации, а есть только ваш сотрудник Л. А. Трофимов. Я его мало знаю, но все же, думаю, знаю его лучше вас. Я жил в том самом доме, где собиралась организация кирилловцев. С Трофимовым я и до настоящего времени в дружеских отношениях. Вы говорите неправду, упоминая одного только Трофимова. Выходит, что вы не признаете других лиц, состоящих вместе с ним в организации — Г. В. Шамонина, И. Г. Бемука, И. Л. Максимука — и двух только что вступивших членов — Г. Г. Никишина и Д. Корол... Один из них и есть бывший коммунист...

Вы жестоко ошибаетесь, причисляя меня к сочувствующим большевикам. Мне действительно есть за что сочувствовать: они расстреляли моего брата, мужа моей сестры и мужа моей двоюродной сестры!

Вы пишете, что я очернил полк. Чапчикова. Ничего подобного! Я написал только то, что знаю, а это только сотая часть того, что он когда-то проделывал. Вы пишете, что вам наплевать на мои слова, ибо вы имеете рекомендации о нем от ген. Богаевского и ген. Краснова... Ну, так зачем же вам слушать тогда таких маленьких людишек, как я! Такие людишки вам нужны для дымовой завесы... Кстати, не так давно я читал в газете статью Краснова, который уверяет, что только шовинизм может спасти Россию, и рекомендует младороссов.

Я уж и не знаю теперь, к кому пристать... К вам не тянет меня, т. к. у вас принимают людей под чужими фамилиями...

Из вашего письма я понял, что вы называете меня дезертиром. На это смело отвечаю вам: среди казаков дезертиров никогда не было и не будет. За восемь лет службы я дезертировал пару раз... в госпиталь, потому что был ранен русскими „товарищами".

Вы осмеливаетесь писать, что казакам не существовать без вас... Глупо это. Вот вам пример: разве Литва не существует без вас? Или вы и ее думаете подобрать под младороссов?

Отвечаю вам: если у вас будет царь с советами, то у нас будет выборный Атаман, и не пожизненный — провинится, — посадим в куль.

Сегодня получил письмо от г-на Желновач. Тоже просит, чтобы я сообщил ему адреса казаков... Я не могу понять, для чего вам нужны эти разбойники-казаки... Ведь еще недавно только и было слышно: „керенцы, корниловцы, калединцы, нагаечники"... А потом бежали к нагаечникам, и эти разбойники спасали их от русских же людей. А когда казаки выбросили из своих станиц всю дрянь, и опасность миновала, — те же люди, наевшись казачьего хлеба, опять стали кричать: „разбойники"...

В. Сосов.

16-II-34. U. S. A.

Знаменательный голос.

В информационном издании „Восток Европы" („Východ Evropy"), выходящем в Праге два раза в месяц на чешском языке (редактор инж. Л. Костар), в номере 6 от 31 марта с. г. печатается статья г. И. Св-да под названием „Наши политические и национально-хозяйственные перспективы на востоке Европы" (статья печатанием еще не закончена), содержание которой значительно выделяется среди чешской прессы, вообще руссофильской (больше, пожалуй, своего рода „единонеделимческой"). Появление такой статьи является некоторым показателем тех сдвигов, какие происходят „в русском вопросе" и среди чехов, до сего времени предпочитавших видеть в будущем, после Сов. России, Великую Россию (неделимую!).

Характеризуя современное положение в СССР, автор статьи (чех) считает „наибольшей опасностью для московского коммунизма национализм отдельных народов, из которых слагается СССР". Вообще, по мнению автора: „национальные движения, возникнув после мировой войны и послевоенных революций, растут во всем свете и нужно признать, что с течением времени волны их не только не уменьшаются, но, наоборот, становятся более бурными, как у народов самостоятельных, так и у тех, которым до сего времени не удалось добиться самостоятельности"...

Констатировав, что „на окраинах СССР, а особенно на Украине, на Кавказе, в Казачьих Землях, в Сибири и т. д., до сего времени существует не только пассивное сопротивление Москве, но не прекращаются и вооруженные восстания против советской власти", автор ставит вопрос:

„Что будет после падения СССР?"

и отвечает сам:

„Кто хорошо ознакомлен с этнографией населения СССР и с тамошними условиями политическими, экономическими и социальными, тот может дать только один ответ, а именно: старая единая Русская Империя потерпела крушение вместе с царизмом; отдельные народы, ее составлявшие, одни уже отделились и, естественно, не хотят отказаться от своей самостоятельности, другие будут бороться каждый за свое собственное национальное государство".

Признавая далее, что всякая попытка искусственно удержать единство России приведет к ненужной международной борьбе и к дальнейшему „отталкиванию" от себя теперешних составных частей Сов. России, ав-

тор видит приемлемый для себя выход „во взаимном признании прав всех народов СССР на самоопределение и на отдельное самостоятельное государство". Ибо только это может потом способствовать примирению народов и их соглашению ради лучшей защиты общих интересов. Сам автор считает, что „самоопределение отдельных народов, создание отдельных национальных государств и их соглашение между собою — единственный путь политического и экономического возрождения огромного пространства Востока Европы"...

„А мы, западные славяне, продолжает он, не смеем игнорировать огромного процесса, который ныне там происходит, а тем больше не смеем мыслить старыми категориями, ставить на „проигравшего коня" — единую Россию... Нашим славянским долгом является понять и правильно оценить значение славянских национальных движений на Востоке Европы и относиться к ним не только с полной об'ективностью, но и с симпатиями"...

Касаясь дальше политических и экономических интересов ЧСР на Востоке Европы сейчас и в будущем, автор (накануне предрешенного признания Чехословакией большевицкого государства de jure!) подчеркивает: „существование на Востоке коммунистического СССР не только не принесет нам каких либо политических или экономических выгод, но, наоборот, повредит нам, не говоря уже о том, что мы, как славяне, не можем не остановиться над судьбой тех славян, которые там страдают"...

Обращаясь далее к своим соотечественникам, автор ставит им вопрос:

„Какие будут наши политические и экономические перспективы на Востоке Европы в будущем после тех изменений, какие произойдут там в результате ликвидации коммунистического режима? Считаемся-ли мы с теми переменами, или: имеем-ли мы какие либо планы, что касается будущих взаимоотношений с государствами будущего Востока Европы и что касается нашей там экономической политики?"

и отвечает:

„Не знаем, об этом у нас вообще не говорят, если не считать за такие разговоры „тоску высшего порядка" наших „руссославян" о „Великой России", которой не знают и которой не понимают"...

— Как видим, господин И. Св-да трактует затронутый им вопрос действительно по новому, что несомненно только повышает наш интерес к цитируемой статье. Подчеркивая сейчас это, мы оставляем за собою право вернуться к этой статье еще раз после ее окончания, чтобы определить к ней свое окончательное отношение.

Всем казакам!

Окружное Правление в Югославии шлет казакам Округа и всем вольным казакам в эмиграции и на Родине пребывающим, поздравление с Светлым праздником Христова Воскресения!

Да поможет Господь Бог исстрадавшемуся Казачеству почувствовать этот праздник воистину светлым.

Мысленно сольемся душою с нашими братьями мучениками, находящимися под властью оккупантов, и пошлем им свое:

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ!

Пусть Господь укрепит их силы, дух и поможет всем нам в недалеком будущем, под благовест станичных колоколов, отпраздновать вместе с Воскресением Христовым и Воскресение Казачества! Мы же, все казаки, веря в желанный час, будем готовиться к нему, неся на алтарь Отечества все свои силы и помыслы.

Помните, дорогие станичники, что всякое счастье, всякая свобода рождается в муках.

Больше жертвенности и воли к победе!

Окр. Атаман: *П. С. Поляков.*
„ писарь: *Н. Ф. Букин.*
„ писарь: *П. М. Мерзликин.*
казначей: *Н. М. Дмитренко.*

Христос Воскресе!

От имени вольно-казачьей имени А. И. Кулабухова станицы в Смедерево мы, члены правления, сердечно поздравляем г. редактора журнала „ВК" И. А. Билого, его сотрудников и всех вольных казаков с торжественным праздником Светлого Христова Воскресения. Единственное наше пожелание всем сущим по уткам земного шара — провести годовой праздник в добром здоровьи!

Братья казаки! Не легко становится на душе, когда оглянешься на годы нашего страдания. Тринадцать черных лет! 14-й праздник воскресения Христова является новой болью нашего сердца при воспоминании о прошлых днях. 14-й раз не доходят к нам с родных станиц звуки полнощного колокола, возвещающего Христово Воскресение. 14-й раз сердца наши и их там покрываются черной вуалью...

Терпя невзгоды, не будем забывать, что Христос тоже был мучим, молился, чтобы миновала Его чаша страданий, поцелуем Иудиным был предан и подвергнут мукам и издевательствам. Распят на кресте был во искупление грехов человеческих и в третий день по писанию воскрес из мертвых.

Мы, казаки, являясь поборниками казачьего самоопределения, тоже находимся ныне на вершинах своей голгофы и пьем горькую чашу страданий. Плюют нам в глаза. Плетут терновые венцы. Окружены мы так же Иудами, ждущими, чтобы продать нас за сребреники в угоду свою и своих барышников. Мы же, по примеру Его должны помнить одно: что обиды, унижения и оскорбления переносим и испытываем не во имя самих себя, а во имя спасения всего многострадального Казачества. Идем же с бодростью и верой в наше дело шаг за шагом по тернистому пути к намеченной цели. Не будем верить лжепророкам, не будем подпускать к себе Иуд искариотских... Каждый из нас должен обратиться за советом к своему прямому и ближайшему советнику — с о в е с т и, которая сама подскажет правильный путь к освобождению терзаемого Казачества.

В этот день пол-вселенной торжествует, прославляя Христово Воскресение. Что же творится в родной станице? Она почти пуста. Одних коварный враг жестокою рукой выбросил в дремучие леса, холодные края, других умертвил, а третьи, несчастные, еле перебирают ногами, шатаясь голодными еще пока в станицах. И безусловно тот, кто в землянке где то на севере; тот, кто в шахтах или в Сибири; тот, кто в изнеможении пал под плетнем, — они тоже, как и мы, не слышат перезвонов своих колоколов... Они сильнее нас сжаты терновыми венками. Их взор обращен к Господу Богу с молитвой и к нам протягивают они руки свои о помощи с еле слышным шопотом: „спасите нас". Пошлем же и мы в этот день свои мысли к ним. Пошлем им надежду на помощь. Пошлем им свое „слышим". Пошлем им, страдальцам, В о и с т и н у В о с к р е с е!

Атаман В. К. имени Кулабухова станицы
в Смедерево *Иван Кошкодаев.*
Помощники: *Ф. Финяк* и *А. Дейнега.*
Казначей: *Кишкинов.*
Писарь: *Панов.*
Начальник инф. отдела: *Я. Негреев.*

29-III-34 г. Смедерево.

Наши сотрудники.

И. К. Скубани
(есаул И. Л.-К. — казак ст. Р. ККВ.).

Ефим Мартынович Якименко,
казак ст. Старощербиновской

Не в бровь, а в глаз.

24—25 декабря 1933 г. состоялся в г. Лионе 1-ый Окружной Вольно-Казачий С'езд, который почему-то не по душе пришелся т. н. „оппозиции". Во всяком случае ею были приняты меры, дабы очернить соответствующим образом, как действующих лиц, так и обстановку, в каковой происходил С'езд. Определенные лица из состава „оппозиции" покрыли себя „неувядаемой славой", ибо ложь изошедшая из их уст, а равно и выявившаяся в их писаниях, могла бы наверняка выдержать любой конкурс...

Выполняя просьбу членов 1-го Окружного Вольно-Казачьего С'езда во Франции, считаю своим непременным долгом представить всем вольным казакам правду — в противовес „оппозиционной" лжи.

Прежде всего о корреспонденции „Об „Окужном С'езде" в г. Лионе", помещенной на стр. 55—56 журнала „Казакия" № 1. Отлично сделали г. г. „оппозиционеры", что не оставили своим вниманием вольных казаков и разослали в их адреса свою „литературу".

Полагая, что все вольные казаки знакомы с указываемой „корреспонденцией", обращаю внимание, что в октябре месяце 1933 г. было напечатано в журнале „В. К." № 139 об'явление, в коем предлагалось всем в.-к. организациям во Франции сообщить мне свои точные адреса, количество членов и т. д., ввиду того, что в период Рождественских праздников 1933 г. состоится Окружной Вольно-Казачий С'езд или в Париже, или в Лионе, инициатива созыва коего принадлежит мне (по предварительному соглашению, конечно, с Центром в Праге). Все в.-к. организации, кои вошли в связь со мной, получили от меня исчерпывающие раз'яснения по вопросу о созыве С'езда. Основываясь на приведенном, категорически заявляю, что „собственный корреспондент" из журнала „Казакия" лжет, когда пишет, что неизвестно было, кто созывает Окружной Вольно-Казачий С'езд во Франции и что будет делать последний. Равным образом „собственный корреспондент" лжет, когда пишет: „как ни старались казаки, они не могли узнать ни место С'езда, ни время его открытия", ибо все без исключения с'езжавшиеся делегаты С'езда собрались в назначенное время в указанном месте, и С'езд был открыт.

Далее, И. А. Билый, прибыв в г. Лион, отнюдь „странным образом не прятался от казаков" (по утверждению „собственного корреспондента"), а принимал у себя в гостиннице всех казаков, которые желали видеть его. Равным образом „собственный корреспондент" лжет, утверждая, что И. А. Билый прибыл из Парижа в Лион 23 декабря; И. А. Билый прибыл в г. Лион в $5^1/_2$ часов вечера в четверг 21 декабря. Лжет „собственный корреспондент" и там, где утверждает, что И. А. Билый устраивал „с Ленивовым и несколькими приближенными к нему лицами предварительное совещание"; никаких предварительных совещений перед С'ездом не было. Лжет „собственный корреспондент" и когда пишет, что И. А. Билый „привез из Парижа делегата из спешно образованной им в Париже станицы в 6 человек" (т. е. ст. Е. И. Черткова). Заявляю: И. А. Билый прибыл в г. Лион в $5^1/_2$ часов вечера в четверг 21-го декабря, а Е. И. Чертков, делегат от В.-К. станицы в г. Париже, прибыл в г. Лион в $6^1/_4$ часов вечера в субботу 23-го декабря.

Бесстыдно лжет „собственный корреспондент", когда пишет, что „местные казаки бегали, желая встретиться и поговорить с прибывшими делегатами, но и это не удавалось. Ленивов запер их в своей квартире и никуда не выпускал, кормя обедом у себя. Обед, кстати сказать, был обильно приготовлен за счет вождя". Заявляю, ни один из прибывших делегатов от В. К. организаций у меня не жил, ни одного делегата я не запирал в своей квартире и не кормил обедом (обильным!), тем более за счет вождя (т. е. И. А. Билого). Все местные казаки, которые желали видеться с при-

бывшими делегатами, видались и разговаривали, как им заблагорассудится.

С омерзением отвергая подлую ложь бесстыдного труса, спрятавшегося под „собственным корреспондентом", заявляю, что ст. Хрипушкин (из Тулузы), ст. Болдырев (из Сен.-Ерве), ст. Чертков (из Парижа), прибыв на Лионский вокзал, прямо явились в помещение Союза Вольных Казаков (сепаратистов) в г. Лионе, где и были приняты вольными казаками. Далее, в период пребывания в г. Лионе, делегаты от В. К. организаций размещались следующим образом: ст. Болдырев (из Сен-Ерве) и ст. Орехов (из Южина) жили на квартире В. С. Крыштопы; ст. Кондрашов (из Коломбеля) и ст. Киреев (из Санса) жили у Е. Л. Шаншиева; ст. Дронов (из Туркуана) жил у Н. Н. Юрова, ст. ст. Зотов (из Валянса), Чертков (из Парижа), Попов (из Виши), Ивановсков (из Монтаржи), Балинов (из Парижа), Жуков (из Парижа) — жили в гостинницах. Все делегаты довольствовались на свой счет, также уплачивая за пребывание в гостинницах, за исключением тех делегатов на С'езд, которые жили на частных квартирах.

Лжет „собственный корреспондент", что „даже официальный представитель журнала „В. К." Хоруженко — не сумел найти и увидеть своего „редактора". Все вольные казаки гор. Лиона, которые желали видеть И. А. Билого, видели последнего и разговаривали с ним, не прилагая никаких усилий к поискам.

Лжет „собственный корреспондент", когда пишет, что „И. А. Билый, когда вошли Балинов и Жуков, заявил, что О. Р. К. (Об-во Ревнителей Казачества в Париже) не зарегистрировано в центре В. К., как организация вольно-казачья". И. А Билый говорил указанное, но отнюдь не тогда, когда вошли Балинов и Жуков, а спустя полтора часа после начала заседания С'езда и то только на специальный запрос членов С'езда.

Касательно техники ведения заседаний С'езда, отмечу, что делегаты от всех В. К. организаций во Франции присутствовали на С'езде и соответственным образом отметили работу президиума С'езда в указанном отношении. Заканчивая на этом разбор заметки „Об „окружном С'езде" в Лионе" за подписью „собственный корреспондент" и отмечая подлую ложь трусливого „соб. кор.", предлагаю всем вольным казакам лично запросить всех делегатов 1-го Окружного Вольно-Казачьего С'езда во Франции о том, как происходил С'езд.

В „Информации Парижского представительства Вр. Центрального Правления Вольного Казачества" (февраль 1934 г.) напечатано „Письмо из Лиона" за подписью б. представителя журн. „В. К." Т. Хоруженко. Последний пишет, что в Союзе Вольных Казаков (сепаратистов в гор. Лионе состоит всего 11 вольных казаков. Я, Ленивов, действительный член указываемой В. К. организации, настоящим заявляю, что г. Хоруженко лжет самым бесстыдным образом, ибо к моменту С'езда в Союзе Вольных Казаков (сепаратистов) в г. Лионе состояло 23 вольных казака, ныне состоит 27 вольных казаков.

Г. Хоруженко пишет: „Скажу несколько слов только о делегатах Лионских. От Лиона было пять делегатов: от Союза Вольных казаков в Лионе; от Кассы взаимопомощи В. К. в Лионе; от Союза комбаттантов в Лионе; от неизвестной вольно-казачьей организации в Лионе (Болдырев? Ред.) и пятый, видимо, от представителей журнала „В. К." в г. Лионе, хотя я, как представитель, никого не уполномачивал на этот „С'езд", да и созвался он скрытно от всех, а еще больше от меня". Я, Ленивов, заявляю, что г. Хоруженко подло лжет, насчитывая в г. Лионе пять В. К. организаций, ибо их было всего лишь три в.-к. организации, остальные — плод досужей фантазии или злого умысла со стороны г. Хоруженко. Подобным же образом лжет и редактор „Информации", беря фамилию ст. Болдырева, живущего в г. Сен-Эрве на юге Франции, в скобки, как делегата „от неизвестной вольно-казачьей организации в г. Лионе".

„Из слов одного делегата на „С'езде" от вольно-казачьей организации в Лионе явствует, что никаких постановлений „С'ездом" не выносилось, а ограничились только выражением доверия И. Билому, приехавшему специально за этим, и выборами Окружного Правления", пишет г. Хоруженко. Лжет и здесь г. Хоруженко, ибо С'езд как раз вынес ряд важных постановлений, избрав совместно с этим и личный состав Окружного Правления и выразив доверие инж. И. А. Билому, как главному руководителю Вольного Казачества.

„... почему не был предварительно намечен ни один вопрос, подлежащий решению „С'езда". При таких условиях какие наказы могли дать казаки своим делегатам? Никаких!" пишет г. Хоруженко. Остается лишний раз отметить, что и в данном пункте г. Хоруженко лжет, ибо все в.-к. организации во Франции еще задолго до созыва 1-го Окружного Вольно-казачьего С'езда получили от меня проект работ С'езда, именно: 1) Создание стройной системы организации В. К. во Франции, 2) вопрос о созыве Большого Круга В. К., 3) доклад инж. И. А. Билого, 4) текущие дела. И все в.-к. организации, выслав своих делегатов на С'езд, выработали программу С'езда!

Относительно желания г. Хоруженко ознакомиться с постановлениями 1-го Окружного Вольно-Казачьего С'езда во Франции и его сомнений в том, что И. А. Билый опубликует постановления в журнале „В. К.", скажу прямо по казачьи: с неумытым рылом, не суй свой нос туда, куда не следует... Дабы было понятно всем вольным казакам, о чем идет речь, отмечу что г. Хоруженко — официальный представитель журнала „В. К." — давным давно исключен из списков действительных членов Союза вольных казаков (сепаратистов) в г. Лионе за неплатеж членских взносов. Далее в „Информации" пишется, что „официальный представитель „В. К." в Лионе, Т. К. Хоруженко, протестуя против единоличного произвола Билого, послал ему заявление об отказе от представительства, в котором пишет: ввиду окончательного закрепления Вами журнала „В. К.", как собственного хозяйственного предприятия, я отказываюсь быть его представителем". Короче говоря, г. Хоруженко сам отказался быть представителем журнала „В. К." в г. Лионе. На самом деле, с приездом И. А. Билого в г. Лион, правления Лионских в.-к. организаций сделали представление И. А. Билому в том смысле, чтобы последний, как редактор журнала „В. К." не считал бы впредь г. Хоруженко представителем журнала „В. К." в г. Лионе, мотивируя, что г. Хоруженко не состоит ни в одной в.-к. организации и никогда не проводил активной в.-к. работы, как это должен делать представитель „В. К."

Перейдя к разбору „постановления Общества Ревнителей Казачества в Париже от 6 января 1934 г. за № 19", заявляю, что, председательствуя на 1-ом Окружном Вольно-Казачьем С'езде во Франции, не проявлял никакого пристрастия и не допускал оскорбления с своей стороны в адрес Общества Ревнителей Казачества в г. Париже. Ни намеренно, ни злостно не уклонялся от постановки вопроса о разборе инцидента между ст. ст. Хрипушиным и Жуковым, разбирать этот вопрос не пожелал сам С'езд, приняв это решение единодушным открытым голосованием. То, что пишется в постановлении ОРК от 6 января 1933 г. в параграфе 1-ом, под литерой 3-ей, есть искажение истины!

В том-же параграфе под литерой 4-ой, мне, Ленивову, приписуется то, что я говорил как-будто: „что якобы Жуков и Балинов по приезде в Лион на С'езд, распространяли какие-то прокламации и вообще вели среди казаков агитацию против Билого", причем как доказательство служит „утверждение делегата Парижской группы вольных казаков Е. Черткова на собрании 28-го декабря, сделанное им со слов г. Ленивова". Гнусная ложь, в добавок мне-же Ленивову предлагается официальным образом „в доказательство своих утверждений, показать хотя-бы одну из провокаций", считаю что подобное предложение есть просто-напросто провокация! Мне приписуются слова, каких я не говорил! Мерзость, гадость, тем более, что в журнале „В. К." № 148—149 в числе подписей членов правления в. к. станицы имени А. И. Кулабухова, значится подпись Е. И. Черткова (делегат на С'езд), где правление означенной станицы заявляет, „что представитель станицы на Окр. С'езде Е. И. Чертков на своем докладе по поводу работ С'езда не говорил, что „якобы Жуков и Балинов, по приезде в Лион на С'езд, распространя-

ли какие-то прокламации", как это сказано в постановлении „О. Р. К." от 6-го января. Ст. Чертков сказал, что г. Балинов до созыва Окр. С'езда разослал по вольно-казачьим организациям письма, с которыми некоторые из представителей прибыли на С'езд, настроенные именно этими письмами против их автора".

Касательно параграфа II „Об Окружном С'езде в г. Лионе" (постановление „О. Р. К." от 6 сего января 1934 г.), то, что пишется под литерой 1-ой, — ложь, т. к. все делегаты, прибывшие на С'езд, располагали своей собственной персоной, как им было угодно, и общались с Лионскими вольными казаками, как им хотелось. Е. И. Чертков, делегат от в. к. станицы имени А. И. Кулабухова в г. Париже, не мог утверждать на публичном собрании в. к. в г. Париже 28 декабря 1933 г., что „делегаты строжайше изолировались не только от общения с внешним миром (с Лионскими вольными казаками), но даже и между собой". Е. И. Чертков (делегат из Парижа) в период своего пребывания в г. Лионе жил в одной и той-же гостиннице с ст. ст. И. Д. Поповым и Д. Н. Чесноковым (из г. Виши), Н. П. Ивановсковым (из г. Монтаржи) и И. Т. Хрипушиным (из г. Тулузы).

Разделение делегатов С'езда на желательных и т. д., что значится в параграфе II, под литерой 2-ой, есть чистый вымысел. О том, что я, Ленивов, отказывал т. н. нежелательным делегатам в предварительном ознакомлении с программой С'езда — ложь, ибо все делегаты, прибывшие на С'езд в г. Лион, сами установили программу С'езда; я же, инициатор созыва С'езда, мог всего лишь предложить всем в. к. организациям всего лишь проект работ С'езда, не более... ибо желание отдельных лиц — одно, воля народа — другое!

То, что значится в параграфе II, под литерой 3-ей — ложь, ибо я, Ленивов, никогда не заявлял ст. Фролову, „что делегатом на С'езд от Дессинской группы должен быть именно он — Фролов и никто другой".

В параграфе II, под литерой 4-ой, значится, что „на Окружном С'езде в качестве делегатов участвовали совершенно случайные лица, никого, кроме самих себя, не представлявшие, например — Болдырев". Как председатель 1-го Окружного Вольно-Казачьего С'езда, заявляю, что ст. Болдырев представил президиуму С'езда письменное удостоверение от в. к группы в г. Сен-Ерве, подписанное всеми членами последней.

В параграфе II, под литерой 5-ой говорится о том, что Лионские вольно-казачьи организации при выборе делегатов на Окружной С'езд прибегли к явному обману. — Лионские вольно-казачьи организации ответят сами, ибо Лионские вольные казаки умеют стоять за свою честь...

Касательно того места, где говорится о том „что С'езд вопреки принятым правилам, происходил не на нейтральной почве, а на частной квартире самого организатора С'езда Ленивова и т. д.", замечаю, что, поставив целью об'единение вольных казаков, проживающих во Франции, в мощный кулак, я приложил все усилия к тому, чтобы вольные казаки собрались на свой 1-ый Окружной вольно-казачий С'езд, что и имело место. К глубокому сожалению, работая на заводе и зарабатывая свой насущный кусок хлеба тяжелым физическим трудом, я не имел фактической возможности в виду опасной болезни (две хирургических операции в декабре месяце, т. е., перед самым С'ездом), едва не кончившейся смертельным исходом для меня, нанять особое помещение для заседаний С'езда, ибо попросту не было денег, т. к. перед С'ездом я не работал полтора месяца. Да простят меня вольные казаки в том, что ни одна вольно-казачья организация не дала денег на наем помещения, свободных денег лично у меня не было и я потому предоставил свою квартиру для работ С'езда.

В параграфе II, под литерой 7-ой, пишется: „В то время, как Окр. С'езд был закрыт и совершенно недоступен для рядовых вольных казаков, там под видом почетного „гостя" присутствовал редактор Билый, оказывая тем самым известное давление на некоторых, если не на большинство делегатов. Мало того, он, не имея на то права, все время вмешивался в работу С'езда и т. д.".

В качестве кого присутствовал И. А. Билый на С'езде, много говорить не приходится; все вольные казаки отлично знают, кто такой И. А. Билый и мог-ли он присутствовать на С'езде! Следуя образу действий т. н. „оппозиций", может быть, надо действовать так, что когда будет созван Большой Круг В. К., с'едутся делегаты от всех в. к организаций, то инж. И А. Билого не допускать на Большой Круг В. К. Так, что-ли?

Параграф II, литера 8-ая „кроме всего прочего инициаторы С'езда умышленно создали на С'езде враждебное настроение против нашей организации (т. е. Общества Ревнителей Казачества в г. Париже)." Мое резюме — ерунда... Но представители самого „ОРК" действительно не создали там для себя хорошего настроения.

То, что надо было сказать о 1-ом Окружном С'езде вольных казаков во Франции, сказано, выводы-же пусть сделают сами вольные казаки. Если у кого явится сомнение в чем-либо, пишите делегатам 1-го Окружного Вольно-Казачьего С'езда во Франции, они ответят!

А. Ленивов

— делегат от Донской казачьей станицы в г. Париже, от Союза Вольных Казаков (сепаратистов) в г. Лионе, от Об'единенной вольно-казачьей станицы в г. Дижоне, от хутора вольных казаков в г. Тамарисе — на 1-ый Окружной Вольно-Казачий С'езд во Франции.

К вольным казакам.

Помещая в настоящем номере ответ А. К. Ленивова на нападки „оппозиции" на Окружной С'езд во Франции, предупреждаю, что больше уже не буду печатать ничего, касающегося „оппозиции". Я считаю, что вольные казаки уже высказались достаточно ясно: „оппозиция" — со всеми ее притязаниями — отвергнута. Продолжать борьбу или полемику дальше не стоит. Как умеет „оппозиция" л г а т ь — все мы это уже видели. (Честные и порядочные люди для защиты правого дела во лжи не нуждаются). На какую п о л о ж и т е л ь н у ю р а б о т у она способна — это увидим потом, если будет на что смотреть.

Лично я весьма признателен всем вольноказачьим организациям и отдельным вольным казакам за выраженное ими мне доверие. Смотрю на него, прежде всего, как на манифестацию вольных казаков з а е д и н с т в о Вольноказачьего движения, как на решительный отпор очередной попытке разбить ряды ВК.

Еще раз: за доверие — благодарю, постараюсь оправдать его и впредь. С своей стороны хотел бы, чтобы и в будущем вольные казаки так же дружно поднимались на защиту своего Дела, как они сделали это на этот раз, — тогда вообще меньше будет всяких оппозиций...

И. Билый.

Казачья эмиграция.

ВК во ФРАНЦИИ.

ВК группа в Peage de Roussillon.

Приговор № 1.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, живущие в Peage de Roussillon и его окрестностях, на сборе своем, состоявшемся 7 марта 1934 г., нашли необходимым образовать здесь казачью группу, ставшую на ВК путь, и, после взаимного обмена мнениями, постановили:

1. Создать группу вольных казаков в Peage de Roussillon в духе заветов вольно-казачьей старины, которая бы вела работу в рамках программы создания независимого национального казачьего государства Казакии.

2. Признать ВК Центр в г. Праге, возглавляемый инж. И. А. Билым, единственным и правомочным проводником ВК идеи, всемерно поддерживать его в его работе по восстановлению казачьего государства.

3. Избрать должностных лиц группы, каковыми и были избраны: Н. Н. Варваров — старшим группы, А. В. Пустошкин — помощником, В. Н. Кабанов — казначеем.

4. Довести до сведения казаков, не могших присутствовать на нашем сборе по независящим от них обстоятельствам, о настоящем постановлении, предложив им записаться членами группы.

5. Копию настоящего постановления поручаем старшему группы представить г. Окружному Атаману А. К. Ленивову с просьбой известись ВК Центр в Праге об образовании нашей группы.

Старший группы: Н. Варваров.
Помощник его: А. Пустошкин.
Казначей: В. Кабанов.

Члены группы: В. Найденов, Т. Рубанов, К. Пузанов, Я. Воробьев, А. Иванченко, С. Боженов, К. Сысоев, П. Марухно.

7 марта, 1934. Peage de Roussillon.

Хутор В. К. имени Ат. Разина в Тамарисе.

Совершив утомительный многочасовой переезд по железной дороге, имея в пути несколько пересадок, Окружной Атаман А. К. Ленивов прибыл в ночь на 10-ое марта в г. Ales, исполняя желание вольных казаков хутора имени Ат. Разина в гор. Тамарисе. Радушно встреченный вольными казаками, Окружной Атаман был приглашен в ресторан, где ему и была предложена хлеб-соль. Дружеская беседа, веденная под руководством хуторского атамана, подхорунжего А. П. Дьякова, затянулась почти до самого утра...

11-го марта Окружной Атаман сделал публичный доклад на тему: 1. Великое Войско Кубанское и Задунайская Сечь, 2. Казачий вопрос. Доклады прошли с большим успехом, ибо то, что говорил Окружной Атаман, многие казаки слышали впервые в своей жизни. Нельзя не отметить, что ни один из „русских казаков" не появился на докладе; короче говоря, они не имели мужества выступить с противным, т. к. все равно были бы разбиты! Выступление Окружного Атамана было приветствуемо бурными аплодисментами казаков, заслушавших доклады, после чего докладчик дал обстоятельные ответы на ряд поставленных вопросов.

С краткой приветственной речью в адрес вольных казаков гор. Тамариса выступил хор. И. А. Болдырев, атаман В. К. куреня „Донская Сарынь" в гор. Сен-Эрве, специально прибывший на доклад.

Закрывая собрание, атаман хутора имени Разина в Тамарисе сказал следующее слово:

„Станичники, сегодня состоялось собрание, на котором Окружной Атаман сделал доклад. Этот день мы должны помнить всегда, ибо нам была изложена вкратце история Казачества, которой мы так дорожим. Уважая один другого, мы знаем, что Вольно-Казачье движение крепнет с каждым днем, ибо мы, казаки, не желаем жить под неволей Москвы. Памятуя это, скажем коротко и ясно — да здравствует Казакия!"

Выразив благодарность Окружному Атаману за сделанные доклады и крепко пожав ему руку, хуторской атаман об'явил собрание закрытым.

Вечерним поездом отбыли из г. Ales'а — Окружной Атаман и хор. И. А. Болдырев, провожаемые всеми вольными казаками гор. Тамариса, зарабатывающими свой насущный кусок хлеба тяжелым физическим трудом в угольных шахтах.

Подхорунжий **А. П. Дьяков.**

ВК в ЮГОСЛАВИИ.

В Шабце.

По инициативе молодого энергичного казака Ивана П. Иконникова, по соглашению со станичным атаманом Павлом И. Иконниковым, началась подготовка к организации вольно-казачьей станицы. В течение нескольких недель продолжалась эта работа, потребовавшая немало труда и времени. Казаки отозвались на это с радостью, назначили день станичного сбора и сообщили об этом в Окружное Правление с просьбой прислать одного из членов Правления.

По распоряжению Окружного Атамана П. С. Полякова 24 марта с. г. в гор. Шабац выехал Н. Ф. Букин. Встреченный представителями от станицы, последний был посвящен в положение дел более подробно и после совещания с представителями станицы назначил собрание казаков в этот же день с тем, чтобы следующий день употребить исключительно для собеседований. В этот же день в 7 ч. в. станица была в сборе.

Н. Ф. Букин сделал доклад на тему „Основы самостийности и программа Вольного Казачества". После доклада пан Косенко (укр.) задал г. Букину целый ряд вопросов, на каковые, по словам самого Косенко, были даны вполне исчерпывающие ответы.

Обыкновенно, на казачьи собрания приходят часто и некоторые русские с „определенной целью". Так и теперь пришел некто Фердинанд или Фердинандов. Цель его прихода была сразу видна, достаточно было видеть его лицо при входе в помещение сбора. Этот Ф. начал грубым тоном заявлять „недовольство", что „безусый мальчишка приехал читать лекцию". Поведение „гостя" заставило казаков вежливым жестом показать ему на дверь, и „оппонент" скрылся.

После доклада единогласным решением было постановлено подписать приводимый ниже приговор о вступлении в ряды Вольного Казачества. Затем единогласно было выбрано следующее Станичное Правление:

Атаман станицы: *Павел Иванович Иконников (куб.).*

Помощник атамана: *Виктор Иванович Фарафонов (дон.).*

Писарь станицы: *Андрей Герасимович Косенко (укр.).*

Казначей станицы: *Иван Павлович Иконников.*

Ревизионная комиссия: Председатель *Александр Павлович Каравай.*

Члены Р. К.: *Андрей Димитриевич Бигдан. Степан Димитриевич Бельчанский. Даниил Игнатович Дубина (все куб).*

После выборов станичной администрации станица вместе с гостем осталась поговорить. До полуночи прошло время в приятной для всех беседе и пении казачьих и украинских песен.

На другой день, в воскресенье 25. III, состоялся сбор казаков по поводу образования Гуманитарного Кружка с целью помощи бедным и безработным.

Станица в этот день еще два раза собиралась для препровождения времени со своим гостем из Окр. Пр-ния. Песни о казачьей воле, национальные танцы и воспоминания о родных хуторах и станицах непрестанно лились до самого от'езда. Н. Ф. Букина.

Казначей ст-цы И. П. Иконников снял помещение для казачьего клуба, где казаки будут собираться и проводить время в подготовке к служению своему народу.

(Соб. кор.)

Приговор № 1 казаков Шабацкой Общеказачьей станицы в Королевстве Югославии 24 марта 1934 г.

Мы, нижеподписавшиеся казаки, проживающие в г. Шабце, собравшись сего числа на сбор, постановили:

войти в состав Вольно-Казачьего Округа Югославии под именем вольно-казачьей станицы в гор. Шабце и подчиняться Уставу Округа, утвержденному II Окружным С'ездом в г. Белграде 27 августа 1933 года.

В настоящее время, когда силы Казачьего Народа надо держать на особом учете и готовить эти силы стать в любой момент способными политическими работниками в создании Единого Казачьего Независимого Государства; в момент, когда Советская власть поставила определенной целью стереть с лица земли Казачество и уничтожить памятники седой старины и казачьей вольницы, — казаки обязаны слиться все в одну тесную семью, сплоченную идеей казачьего национализма, что мы и делаем. Вступая в ряды Вольного Казачества, сообщаем об этом Окружному Атаману Вольно-Казачьего Округа в Югославии и просим его сообщить об этом в Центр Вольного Казачества в г. Праге.

Подписали:

Иван Иконников. Павел Демин. Виктор Фарафонов. П. Икончиков. Александр Каравай. Данило И. Дубина. Петр З. Дудка. Григорий Сапсай. Степан Бельчанский. Иван Дурницкий. Иван Кудлаев. Иван Е. Буряков. Архип Круц. Андрей Бигдан. Андрей Косенко (укр.). Аким Молько. Андрий Пелипенко. Александр Федьков, Григорий Шевченко. Аким Карасев. Василий Решидько. Василий Бондарев. Пав. Ив. Акимов. Василий Пономарев.

Вынужденный ответ.

(*Письмо в редакцию*).

В информации „Кавк. Казак" за январь с. г. в статье „Рождественские праздники у казаков в Новом Саду" помещена очередная ложь о казаках националистах и в том числе и обо мне. Подписал статью В. Орехов.

Статья бессодержательная и глупая. Проще говоря, составлена она не взрослым человеком, а взрослым ребенком, хотя, по уверениям некоторых казаков, составлял ее сам атаман русской станицы г. Протопопов. Поэтому я, отвечая, буду иметь в виду не только В. Орехова, а и его атамана... Вникли ли Вы, г. Орехов, в содержание того, что Вы подписали? Я глубоко уверен, что нет, т. к. иначе не рискнули бы трепать своего имени.

Ваш атаман, составляя себе похвальную статью, как бывший офицер, не должен был бы злоупотреблять своим званием офицера... Ведь не спроста же в Новом Саду ему отказали в приеме в русские сокола и показали на дверь в русском офицерском собрании... От него уже все русские отшатнулись, кроме таких, как Вы; поэтому, не ожидая ни от кого себе похвалы, он Вашими устами задел другие казачьи организации, скромно поблагодарил председательницу благотворительного общества и ее помощницу, а самого себя вознес до небес.

Далее Вы говорите, что на вечере ваш атаман призывал казаков быть верными заветам седой старины и преданными своим Войсковым Атаманам. Подскажите ему, что заветы седой старины есть Воля Казачья, за каковую верное своему укладу жизни Казачество всегда и боролось, рискуя своей жизнью. И вот во время такой борьбы казаки и были преданными своим выборным Войсковым Атаманам, т. е. тем из них, которые, исполняя желание казачества, вели его к общей цели — Воле Казачьей, а не в рабство кого бы то ни было. В этом последнем случае такие выборные Войсковые Атаманы были не только удаляемы со своих постов, а зачастую и платили своей жизнью, как изменники Казачеству.

Не в количестве сила, а в качестве. Пусть, по вашему, я возглавляю полтора десятка казаков, это не существенно. Важно то, г. В. Орехов, что Вы лжете. Не сравнивайте меня с вашим атаманом, который действительно вымогает у казаков последний грош, чтобы устроить себе похвалу и тем себя возвысить в глазах доверчивых лиц. У нас, в. казаков, делается все по доброй воле и решению самих казаков, чему Вы лично были свидетелем...

Господин Орехов! Когда же это г. Букин пытался с вами, русскими казаками, разговаривать, и ваша станица его и на порог не пустила, а я будто бы бегал и собирал нужную аудиторию из „украинцев" Вятской, Тульской и Орловской губ. и „вольных казаков" из Будапешта и Сегедина, не понимающих даже русского языка? Когда Вы подписывали эту ложь, были ли Вы в здравом уме и твердой памяти? Или Вы это сделали в угоду вашему наказному станичному атаману, чтобы заслужить его особое к Вам расположение?

Да, на нашем в. к. рождественском вечере были гости: и украинцы — наши единомышленники, и местные жители разных национальностей, как родственники семейных в. казаков; и это так естественно, что только Ваши мозги не могут в этом разобраться.

Если Вы, г. В. Орехов, не умеете разбираться в напечатанном, то стыдно этого не знать вашему атаману, который, кажется, окончил даже двухклассную школу. Прочитайте с ним еще раз в № 3 журнала „Казачество" мою статью „Ответ обиженным русским казакам", где абсолютно ничего не упоминается о 83 казаках моей станицы, и № 6 того же журнала, где о моем перевыборе и помина нет, а есть поздравление с 6-летним юбилеем журн. „В. К.", следовательно и нашим вольноказачьим праздником. Под поздравлением подписалось несколько казаков нашей станицы, а в том числе добровольно и лично подписался вашей станицы Г. Ткачев. Оригинал поздравления с подписью Г. Ткачева я храню в делах станицы. Вы же пишете, что Г. Ткачев записан без его ведома, за что и привлекает виновных к судебной ответственности. Этим последним Вы оказали своему станичнику необыкновенную услугу, — выставив его ненормальным в глазах новосадских казаков, т. к. человек в здравом уме привлекать самого себя к судебной ответственности за им же учиненное какое бы то ни было деяние не станет.

Признаться, мне противно было отвечать на вашу „статью" и решился я сделать это только потому, чтобы уличить в очередной лжи не Вас, а вашего неутомимого в подлостях атамана, которого и бывший мой с ним суд ничему не научил.

П. Недбаевский.

О шашке г. Протопопова.

Г. Протопопов говорит, что казаки общеказачьей Суботицкой станицы „преподнесли" ему шашку „за хорошую службу"... Нижеподписавшиеся заявляют, что это неправда. Преподносить ему шашку было не за что, ибо за время своего атаманства он не только ничего хорошего не сделал, но и способствовал распылению казаков по различным партиям, вместо того, чтобы об'единить их. Шашку казаки ему не покупали — он где-то сам ее купил. Дело же с „преподнесением" обстояло так.

В один прекрасный день назначается экстренный сбор. Казаки собрались в назначенном месте. Приезжает г. Протопопов, служивший в то время в Новом Саду. Поздоровались, обменялись несколькими словами, а потом подымается один казак и, держа в руках что-то длинное, завернутое в бумагу, говорит, обращаясь к казакам:

— Казаки! Вот от станицы преподносим нашему дорогому атаману, есаулу Протопопову, шашку...

Казаки открыли рты от удивления — что за чудо! Спрашивают:

— Откуда взялась эта шашка?

„Преподносивший сначала смутился, а потом сказал, что шашка куплена на станичные деньги... за триста динар... с монограммой есаула Протопопова...

Станичники начали выражать недоумение: кто мог

купить что либо за станичные деньги без ведома и разрешения правления?.. Потом, решив отложить „разбор" этого дела на другой день, говорят:

— Ну, подноси! Потом разберемся.

Казак, обернувшись к Протопопову, сказал несколько приветственных слов и передал ему шашку. Протопопов поблагодарил станицу за „подарок" и захотел запечатлеть на фотографии момент передачи ему шашки... Большая часть казаков, однако, не пожелала этого „запечатления". Казаки начали расходиться по домам.

Станичное правление не пожелало расплачиваться за шашку станичными деньгами. Тогда казак, подносивший „подарок", стал ходить по казакам и собирать деньги, но и из этого ничего не получилось. Таким образом, выходит, что г. Протопопов купил шашку за собственные деньги и, с помощью одного казака, сам же себе ее и преподнес.

В. Позднышев, Д. Тихонов, К. Милованов, К. Ситников, И. Шалунов, Н. Ефремов, М. Чеботарев.

8-III-1934.

От Окружного Атамана.

Милостивый Государь,
г-н Релактор!

Не откажите в любезности напечатать в ближайшем номере нашего журнала нижеследующее:

Согласно Отделу III, глава 1, § 6, 7, 8 Устава В. К. Округа в королевстве Югославии и согласно постановлению Окружного Правления — исключаю из списков Округа:

1. Ковгана Якова — за сознательный саботаж и недисциплинированность (основание: заявление Скоплянского стан. правления).

2. Полк. Дьячевского — за уклонение от в. к. работы и от взносов ва в. к. работу (основание: постановление Панчевского в. к. хутора).

3. Дмитрова Дмитрия — за сплетни и недисциплинированность (основание: рапорт хуторского атамана Белградского в. к. хутора).

Окружной Атаман **П. Поляков.**

Заявление ген. П. И. Кокунько.

Милостивый Государь,
г-н Редактор!

В „информации" „оппозиции" напечатано, что я отвернулся от „В. К." Заявление это сделано без моего ведома и не отвечает действительности. Мои отношения к Вашему журналу остаются прежними, и с „оппозицией" я не имею ничего общего.

Прошу Вас поместить это мое заявление в Вашем журнале.

Уважающий Вас **П. Кокунько.**

29-III-1934. Белград.

В. К. в БОЛГАРИИ.

Союз Казаков Националистов в Болгарии.

Воззвание к казакам.
Станичники!

Тринадцать лет как мы в изгнании. Единая и многолюдная когда то семья зипунных рыцарей редеет с каждым годом. Одни уходят в мир иной (мы скажем им: в земле чужой спокойно спите, дорогие братья), в других угас дух казака, а третьи изменили родным краям, продавши честь и совесть (Бог им судья!).

А там, где Дон седой струится и разлилася в даль и ширь Кубань раздольная и Терек бурный волной холодной лижет скалы, Московский красный хам творит кровавую, жестокую расправу за имя казака, да так, „чтоб не осталося и памяти о нем" (газета „Оссерваторе Романо" со слов изверга Сталина).

Для многих слово казак пустой лишь звук. Мы же, казаки, гордились им в минувшем, гордимся и теперь. Ведь это имя — прекрасный символ воли, славы и отваги. В нем кроется душа народа, его идеи, истоки творчества и достижений, в нем бытие и дух казачества... Зачеркнувши это имя, мы обрекаем себя в истории на смерть. Ужели, добровольно склонивши головы перед палачами, мы скроем память о себе под камень вечного забвенья? Никогда — казак ответит.

Горя любовью к казачеству родному и слыша зов святого долга: „в час невзгоды отстоять свободы честь" и следуя велениям потоков крови погибших сыновей семьи казачьей, — мы, казаки, должны поднять высоко знамена старины и заявить даже в чужбине: „прочь руки от казачества святыни".

Правление Союза зовет вас, братья казаки, собраться воедино, вокруг знамен чисто казачьих. А на них когда-то отцы и деды написали: Державный Круг и Рада Краевая, душою всенародной вождь избранный, казак природный, Атаман семьи казачьей — носитель воли.

Правление Союза предлагает всем станицам, хуторам, группам, а также и отдельным казакам войти в Союз Казаков Националистов с Центром в Софии, чтобы, собравшись в самое ближайшее время на Окружной с'езд, выбрать делегатов на Большой Круг. Пусть там первые из равных решат, как дальше быть. Иль затеряться среди людского океана в странах чужих, или отстоять и степь зеленую, и нивы золотые, и свои порог и угол. Мы верим, что в день Воскресения Родных Краев не склоним казачьих голов под обжигающим стыдом за мертвецов своих, погибших на кровавой ниве за честь и славу Великой семьи Казачьей.

Правление.

София, ул. Веслец, 20.

Хор Жарова в Софии.

7, 8 и 9 марта с. г. С. Жаров удостоил софийскую публику отличным пением своего хора. Да, поет хорошо, нечего сказать. Я и не собираюсь критиковать его пение, для этого есть специалисты этого дела, я хочу сказать другое.

Большая реклама „Донской казачий хор" во многих у нас возбудила желание послушать родное, казачье. В зале, в ожидании концерта, группы посетителей обмениваются всем тем, что знают о хоре Жарова. Говорили, что казачий-то хор наполовину неказачий. Думаю, это не так уж важно; может быть, Жаров успел оказачить хористов неказаков. Остаемся терпеливо ждать.

Начался концерт... и все духовные песнопения. Думаю, что после этого начнутся казачьи песни, ведь Жаров отлично знает, что здесь много казаков, которые жаждут услышать казачье.

Началась вторая часть концерта, где нам преподносит Жаров „ах вы сени, мои сени", „на горе на веточке выросли конфеточки", „Эй ухнем" и т. п. и... ни одной казачьей.

Ну, думаю, в третьей части концерта, вероятно, как сюрприз, поднесет нам наше.

Но, увы, это было продолжение второй части: „в бурю во грозу", „ох ты милка, черная галка" „славься, славься, наш русский Царь" и т. д.

И вот, все таки, вероятно между прочим, в конце своей программы Жаров исполнил одну чисто казачью песню: „Из за леса, леса копий и мечей", которая развеселила сразу целый зал.

После всего слышанного невольно приходишь к заключению, что от Донского Казачьего хора С. Жарова осталась только одна казачья фирма; С. Жаров, вместо того, чтобы оказачить неказаков, поступавших в его хор, расказачил и казаков. „Славься, славься, наш русский Царь"... ясно доказывает ориентацию Жарова и лишний раз показывает всему свету, что „казаки" без царя-батюшки не могут жить, что они его верные слуги, т. е. подтверждает то мнение иностранцев, которое еще в мирное время загвоздили им наши „благодетели", а по просту сказать, — наши враги различной окраски.

Жалко и грустно все это. А после, когда кто либо из иностранцев назовет казаков „слугами царскими", иди ему доказывай, что нет; ведь „казачий хор" Жарова сам подтверждает это.

15. III. София. **И. Е.**

ВК в ГЕРМАНИИ.

Заявление под'есаула Овсяника.

Многоуважаемый
Господин Редактор!

Прошу не отказать поместить на страницах уважаемого журн. „В. К." следующее мое заявление:

В бюллетене „оппозиции" № 1-й я об'явлен представителем ее для Германии. В своем письме к И. И. Безуглову от 24-го февраля с. г. я отказался от этого представительства и просил его об'явить об этом в № 2 их бюллетеня. Так как мне совершенно не известно, выйдет ли и когда бюллетень № 2, а также и журнал „Казакия", то в интересах установления истины я считаю своим нравственным долгом, через журнал „В. К.", оповестить вольных казаков о том, что такого представительства „оппозиции" в Германии я не принимал.

Под'есаул **И. Овсяник.**

6-го апреля 1934 г. Берлин.

В. К. в Ч. С. Р.

От группы в. к. в Страконицах.

Председателю Центрального Правления вольных казаков в Ч. С. Р.

Уважаемый станичник!

Группа казаков в г. Страконицах, ознакомившись с „литературой" „оппозиции", с письмом Федорова-Лантуха и с циркулярным письмом Безуглова, постановила:

1. Ввиду политической малограмотности этих вождей-самозванцев — Безуглова и Лантуха, — считать их работу тоже малограмотной и для интересов Казачества вредной.

2. Выразить Вам полное доверие в Вашей плодотворной деятельности на пользу казачества.

3. Просить Вас зарегистрировать всех нижеподписавшихся, согласно предложения в журнале „В. К." № 148-149.

Сотн. *Стефан Школяр.* Сотн. *Яков Луговской.* Подх. *Иван Малыш.* Вахм. *Григорий Луговской.* Казак *Василий Бауткин.*

Страконицы, 2-IV-1934.

В РУМЫНИИ.

„Жаровцы".

Пусть простит мне читатель, что я утруждаю его сообщением о „казаках", которые так ревниво защищают свои „незыблимые" права на казачье название перед постоянными конкурентами — донскими казаками хора „Атамана Платова", которым руководит регент — природный казак ст. Цымлянской Н. Ф. Кострюков. Думаю, однако, что я этой информацией никого из вольных казаков не огорчу и особенного зла не причиню, ибо мы должны знать и иметь все сведения о тех людях, которые раз'езжают по всему свету под славным именем казаков, носят прекрасную казачью форму, но, во вред этому имени и форме, прославляют не Казачество прежде всего, а „Матушку Россию", которая двести с лишним лет ненасытно выжимала казачьи соки, а потомки ее, нынешние большевики, порешили совсем уничтожить нашу родину Казакию...

Всем нам приходилось слышать пение, а также наблюдать отношение, как самих руководителей, так и всех хористов, к казакам, проживающим в тех городах, где эти два хора выступали. Лично мне пришлось слышать и видеть хор Жарова два раза и хор Кострюкова тоже два раза.

Лет 6 тому назад, если не ошибаюсь, „жаровцы" прибыли в гор. Галац, где их, как мировых артистов, в таком небольшом провинциальном городке совсем не ожидали. Ясно, что своим приездом они ошеломили всех жителей Галаца и, главным образом, своих казаков, которые, обрадовавшись их приезду, бросили в сторону свои неотложные дела и пришли на главную улицу, чтобы встретиться с „жаровцами", поговорить с ними „по душам", как с людьми, раз'езжающимм по всему земному шару, „много знающими"; хотелось казакам поделиться с ними своими душевными переживаниями, своими думами о судьбе Казачества... Но не тут то было! Регент их, известный „казак" С. Жаров, строго на строго приказал никого из посторонних лиц, не только к нему, но и ко всем остальным хористам, не впускать, мотивируя свое распоряжение тем, что де хористы сильно устали и нуждаются в отдыхе... Все же, несмотря на все „приказы" и „запреты" Жарова, некоторые из казаков проникли в хотел „жаровцев", обойдя „запреты" и легальные входы... Хористы одевались уже в казачью форму и через 10 минут должны были быть на сцене театра.

И вот, когда они выходили из комнаты, один из несостоятельных кзазаков прямо по казачьи спросил:

— Станичники, нельзя ли будет сегодня послушать вас бесплатно?

— Да... это будет можно, — ответил ему его хороший знакомый и одностаничник. — Мы имеем разрешение от своей дирекции — казаков пропускать бесплатно, но... нужно предварительно обратиться к нашему регенту. В общем, — собирайтесь около театра — мы вас пропустим...

Начался концерт. Хор пел, без сомнения, хорошо, но что он пел! Здесь я должен немного оговориться. Дело в том, что огромное большинство публики на концерте состояло исключительно из „русских" евреев (их в Галаце больше, чем румын), а „жаровцы", как бы на зло им, пели больше вещей духовных, чем светских, и меньше всего — чисто казачьих... Публика была недовольна. Вслух говорили:

— Жарову, по существу, не в театре нужно было выступать, а где нибудь в русской церкви. Жаль — пропали деньги даром!..

После концерта „жаровцы" разбежались как-то незаметно для казаков по разным ресторанам и говорить с ними не пришлось. Лишь случайно встретив все того же „жаровца", с которым немного пришлось говорить до концерта, казаки попросили его пригласить несколько хористов, чтобы пойти всем вместе в какой нибудь ресторан и випить там по стакану вина... Но он заявил, что „хористы — очень гордые люди и компании никакой и ни с кем не разделяют". Казаки настаивали, надеясь, что они на этот раз сделают исключение, оставят свою (мировых артистов) гордость и пойдут с ними, как казаки с казаками. „Жаровец", желая выполнить настойчивую просьбу казаков, подошел к группе хористов и передал им казачью просьбу. Они посмотрели издали на казаков, перекосили как-то недовольно свои нежно-артистические лица и... категорически отказались...

28 февраля с. г. „жаровцы" снова прибыли в Галац, но „переполоха" на этот раз не произвели. Все же публика интересовалась: надеялась, что Жаров за это время изменил свой „репертуар", выбросил из своей программы церковное песнопение и заменил его светским.

Пришли опять и казаки, но уже под разделением на националистов, „русских казаков" и просто русских людей, выдающих себя за казаков. Была наряжена смешенная „делегация" к „жаровцам" (вполне понятно с какою целью!), но, в конце концов, вышло так, что в список „неимущих" из „самостийников" попало только двое, да и то таких, которые всегда, когда их „припинают к стенке", отказываются от своих убеждений и „пляшут" под музыку тех, кто их „припинает".

Ровно в 10 часов вечера поднялся занавес, и из за кулис начали выходить „жаровцы". А через минуты две появился С. Жаров и быстро вскочил на деревянную подмостку. Публика „замерла", приготовившись уловить первые слова казачьей песни... Жаров едва заметно шевельнул руками, и хор грянул... „Верую во единого Бога-Отца"... Потом пели „В церкви", „Господи Помилуй", „Отче наш" и, наконец, занялись поминовением всех русских епископов, архиереев, митрополитов, всех „больших" людей „всея России" и молени-

ем за все тех же „больших“ русских людей и за все российское „христолюбивое“ (?) воинство... О казаках же и о казачьем воинстве забыли...

Из 9-ти светских песен были спеты хорошо лишь казачьи: „Гремит слава трубой по всей Области Донской...“, „На завалах мы стояли, как стена...“ и „Посею лебеду...“ под которую танцевали казаки ст. Усть-Белокалитвенской Лазарев (родной брат полковн. Романа Лазарева, расстрелянного в Крыму ген. Слащевым) и Пискунов. Лишь они немного воодушевили павшую духом публику.

Так закончился концерт „жаровцев“ в этом году.

Эх, „жаровцы, жаровцы“! Не угнаться вам за „костюковцами“...

Когда слушаешь „костюковцев“, то чувствуешь себя не в театре гор. Галаца, а где-то в родном Краю, в прекрасной, цветущей станице или на зеленом лугу при покосе сена. Напрасно вы, „жаровцы“, с ними судитесь, стремясь отнять у них право называться Донскими казаками. Ведь они действительно — Донские казаки, а вы — „русские казаки!“ К вам даже за кулисы нельзя было пройти без разрешения... „губернатора“! Зашел было один казак поискать между вами своих станичников, но ему было предложено поставленным вами же у дверей румыном — оставить кулисы... Вы, вероятно, боялись, что он между вами не найдет не только своих станичников, но вообще действительных казаков...

У „костюковцев“ этого нет! Они, как действительные казаки, и ведут себя по казачьи. К ним днем и ночью — в хотел и за кулисы — вход всегда свободен.

Они не боятся ни своих казаков, ни чужих русских людей и великолепно по первому слову различают своего казака от русского человека или „типа“, который намеренно злоупотребляет казачьим именем.

Был и такой случай: после концерта местные казаки пригласили на стакан вина двух „костюковцев“, а другие, услышав это, сильно обиделись и прямо казакам заявили:

— Станичники, это уже не по казачьи: чем те лучше нас? Если решили пригласить, так приглашайте всех... У нас деньги есть... Все мы охотно пойдем... После дела — гуляй смело!

Вот где — чистая душа казака! Вот кто заслуживает полное право называть себя „известным Донским чисто казачьим хором“!

А. Бабков.

10 марта 1934 г. Галац.

В АВСТРАЛИИ.
Доклад Яицкого Атамана.

17 февраля с. г. в помещении „Русского Клуба“ в Тангуле Яицкий Атаман ген. Толстов выступил с докладом на тему об „Историческом развитии России от Рюрика и до наших дней“. Доклад длился один час, и смысл его можно свести к следующему.

Упомянув об исключительной роли, которую сыграл Атаман Межаков при избрании на царство Михаила Феодоровича, и о том, что народы, жившие в Приазовьи, приняли христианство задолго до крещения Киевской Руси, докладчик перешел к последовательному краткому изложению всего того, что по его мнению, довело Россию до „коммунистической пропасти“.

Петр I проявил много жестокости и бесчеловечности в своих мероприятиях... Он напролом лез к Черному морю, но Азова, однако, взять не мог. Донцы же еще до Петра брали его и предлагали Алексею Михайловичу, но последний отказался...

Обширная территория Сибири была завоевана казаками и преподнесена в подарок русскому царю...

Екатерина II уничтожила Запорожскую Сечь, а казачьи земли раздала своим фаворитам...

Одни говорят, что Николай II был плохой, слабовольный. Другие утверждают, что плохим было окружение царя... По мнению докладчика, правы и те, и другие. Россия докатилась до настоящего положения главным образом благодаря тому, что имперская власть удушала всякое проявление самодеятельности народов империи... Россия не выдержала первый экзамен, проиграв Японскую войну. Исход великой войны был предрешен...

После доклада ст. И. Комаров (донец) задает докладчику вопрос: „Какой будет, по мнению докладчика, наилучший способ борьбы с большевиками?“

Ответ: „Захват при доддержке иностранной силы одной из советских окраин“.

И. Комаров: — Но ведь захват окраины при поддержке иностранной силы неминуемо приведет к образованию самостийного государства.

Докладчик: — Этого бояться не следует. Только сделав советскую Россию „куцой“, можно принудить большевиков к капитуляции.

Н. Поляков (русский) протестует. К нему присоединяются другие русские. Раздаются крики: „Что?! Вместе с японцами или немцами мы пойдем против России? Нет, этому не быть!..“

На этом и закончился доклад. (Соб. кор.)

В Казакии.

„Начальнический разнос“.

„Крайком отмечает наличие случаев преступного разбазаривания семенного зерна, особенно путем якобы зерночистки, прямой раздачи и перемола зерна под предлогом, якобы, непригодности его для посева или излишков семян той или иной культуры, при необеспеченности семенным материалом посевного плана в целом, укрытия семян в „черных амбарах“, в полове и отходах, преступного хранения зерна, складирования влажного зерна без просушки, приводящего к гибели и разворовыванию его. Наряду с этим отсутствует борьба за сбор недостающих семян.

Некоторые МТС и районные организации по-чиновничьи штампуют сводки о сборе семфондов, не организуя сбора и оперативной систематической проверки состояния и хранения семян. В ряде же случаев районные организации стали прямо на путь очковтирательства и обмана партии, давая ложные сводки о семфондах (Старо-Минское райЗО). О притуплении классовой бдительности на этом важнейшем участке борьбы свидетельствует тот факт, что сообщения о случаях преступного отношения к охране и хранению семенного зерна, имевшихся по некоторым районам, поступают, как правило, не от райкомов и политотделов, а через печать и от органов контроля.

Бюро крайкома ВКП(б) постановляет:

1. За скрытие 100 цент. зерна (черный амбар) в

Еще раз напоминаю атаманам ВК станиц, хуторов и куреней и старшим групп о необходимости исполнить мое предложение, напечатанное в прошлом номере журнала (см. стр. 27), о сообщении мне (и Окружным Атаманам) сведений о числе членов своей организации, имеющих право голоса на станичном, хуторском, куренном или групповом сборе (собрании).

Организации, не приславшие таких сведений до 25 сего апреля, не будут приглашены на Большой Круг ВК.

И. Билый.

коммуне „Молодой гигант“, Сальского района, привлечь к ответственности бывш. председателя коммуны Черненко, поручив крайпрокуратуре немедленно провести следствие и предать его суду.

2. За самовольный перевод 500 центнеров зерна из семенных фондов в вбщеколхозные фонды (план создания земфонда не выполнен) в колхозе „Заветы Ильича“, Мечетинского района, полевода Сидорова и завхоза Борисова отдать под суд.

3. За очковтирательство и обман партии, выразившийся в даче преуменьшенной сводки по сбору семенных фондов в колхозах против фактического их наличия — зав. райЗО Старо-Минского района т. Наумова с работы снять и исключит из партии, а секретарю Старо-Минского райкома т. Земляченко за незнание фактического положения дела в аппарате райЗО — поставить на вид.

4. Осудить рваческое требование семссуды со стороны нач. политотдела Гиагинской МТС т. Докторова, говорящее о демобилизации в борьбе за сбор семян на месте.

5. Предупредить всех секретарей райкомов, начальников политотделов, директоров МТС и пред. колхозов, что Крайком будет принимать самые суровые меры взыскания во всех случаях разбазаривания, порчи и небрежного отношения к хранению и охране семенного материала, как к непосредственным виновникам, так и к руководству попустительствующим этим преступлениям.

6. Отмечая отсутствие борьбы со стороны ряда райкомов (особенно Константиновский, Мечетинский и Матвеево-Курганский) против уменьшения семфондов (разбазаривания), обязать секретарей райкомов и нач. политотделов привлечь виновных в этом к ответственности.

Крайпрокурору принять меры борьбы с разбазариванием семян, как расхищением общественной собственности, по декрету от 7-го августа...“

Как идет сев.

(Из одного постановления).

Опыт первых трех-четырех дней массового сева в Адыгейской Автономной области и Краснодарском районе вскрыл следующие основные недостатки:

1) Несмотря на укрепление производственных посевных настроений основной массы колхозников и на хорошие условия полевых работ в ряде колхозов, станиц и аулов, имеют место неудовлетворительные выходы на работу, расхлябанность в работе и невыработка норм как в тракторной, так и в полеводческой бригадах.

Все это является результатом непонимания руководителей парторганизаций колхозов, МТС и особенно бригадиров, необходимости непримиримой, без снисхождения, борьбы с элементами саботажа, лодырничества, расхлябанности, могущими разложить работу по севу, если с самого начала им не будет дан жесточайший отпор и если в колхозах с первых дней сева не будет установлен большевицкий порядок.

2) К началу сева тракторный парк МТС полностью не был отремонтирован (Ново-Мышастовская, Ново-Титаровская, Ново-Величковская МТС, Краснодарского района, Понежукаевская МТС, Красногвардейского р-на Адыгобласти), имеются недоделки в уже работающих тракторах, предупредительный ремонт не обеспечен, нет еще полевых раз'ездных мастерских (в Марьянской и Ново-Мышастовской МТС, Краснодарского района).

Снабжение горючим поставлено преступно плохо, в Марьянской МТС две ночи тракторы не работали из за отказа на складе МТС и нефтебазы выдать горючее в ночное время.

В отдельных бригадах имеется недостаток трактористов, в то время, как на курсах еще продолжают заниматься десятки трактористов. Имеется недостаток плугов, в то время, как в ряде совхозов таковые в излишке, поэтому с первых же дней сева часть тракторов не работает, а значительная часть из работающих не вырабатывает нормы.

3) Преступно плохо использованы для полного развертывания сева внутренние ресурсы самих МТС и колхозов, далеко не все тягло использовано на севе, тягло разбазаривается на второстепенных работах (раз'езды „начальства“, поездки на базар и на разных подсобных работах).

Не привлечены коровы колхозов и колхозников даже в колхозах с особенно напряженным состоянием тягла. На уничтожении сорняков работает недопустимо мало колхозников. Полевые станы в ряде колхозов не построены, общественное питание не налажено, нет особого котла для ударников и т. д.

В результате всего этого уже с первых дней определилась реальная угроза срыва сроков и качества сева:

а) при нынешних темпах сев колосовых затянется в полтора-два раза против срока, установленного Крайкомом и Крайисполкомом;

б) имеется значительный разрыв между пахотой, бороньбой и севом;

в) налицо недоброкачественная бороньба, плохая заделка семян;

г) нет разрыхления полей (катком, бороной) озимого посева, местами покрывшихся коркой;

д) во многих случаях пашут, сеют по земле, не очищенной предварительно от сорняков, пашут мелко и с огрехами, т.-е. грубо нарушаются агроправила, а виновные остаются безнаказанными...

(„Молот“ от 21 марта).

На железных дорогах.

(Из „постановления“).

1. Совет Народных Комиссаров Союза ССР и Центральный Комитет ВКП(б) устанавливают, что недостатки, отмеченные в постановлении о работе Донецкой дороги, являются типичными для всех железных дорог СССР. Из-за местнических и корыстных побуждений производятся внеплановые перевозки второочередных грузов в ущерб перевозкам общегосударственного значения, до сих пор еще не изжит канцелярско-бюрократический метод руководства, незнание руководителями дорог и эксплоатационных районов действительного положения на станциях, этих решающих рычагах перевозок. Многие из коммунистов не только не дают образцов дисциплины, а наоборот, сами зачастую являются примером разложенности и недисциплинированности, что ведет к дезорганизации работы на транспорте.

2. Одной из важнейших причин плохой работы железных дорог является неудовлетворительная система планирования на дорогах и плохая работа эксплоатационных районов и станций по исполнению планов.

В результате этого плохо используется подвижной состав, встречные перевозки достигают больших размеров, недопустимо плохо используются вагоны, идущие в порожном направлении. Как начальники дорог и районов, так и сами планирующие органы, в своей повседневной практике сплошь и рядом ломают планы, что приводит к бесплановости и безответственности в деле перевозок на станциях, в районах на железных дорогах и в НКПС.

3. Несмотря на сокращение прав и обязанностей эксплоатационных районов после постановлений СНК и ЦК от 3 и 8 июля 1933 года, они сохранили еще много функций, не имеющих никакого отношения к руководству движением. Эксплоатационные районы в их нынешнем виде превратились на деле в фактор, затрудняющий правильное руководство движением со стороны начальников дорог и станций, ввиду чего необходимо их превратить в отделения службы эксплоатации.

4. Начальники станций, получая многочисленные противоречивые планы, приказы и задания, работают бесплановo. На станциях, особенно крупных товарных и сортировочных, все еще не ликвидированы организационная неразбериха, нагромождение секторов, должностей. Начальники станций перекладывают свою работу и ответственность на заместителей и помощников, сами фактически устраняются от ответственности, заняты руководством „вообще“, заседаниями и представительством в различных общественных организациях и, в лучшем случае, выполняют функции толкачей по формированию поездов. (Молот от 26 марта).

Розыски.

Ст. Ивана Федоровича Биркина и ст. Константина Иосифовича Попова, служивших в Дон. кад. корпусе, прошу откликнуться по адресу: Д. Родионов. Косте Главиньича 4. Beograd, Jugoslavija.

Димитрий Федорович Князев, казак ст. Раздорской, ВВД, разыскивает станичников и сослуживцев, служивших в лейб-гвардейской батарее в 1918-20 годах. Адрес: Sliven, Bulgarie.

Федора Артемовича Карпенко, выехавшего в 1925 г. из Болгарии в Грецию; Якова Федоровича Ляха (шофера), жившего в 1923 году в Югославии, и есаула Михаила Ивановича Тюкина (ст. Белореченской), тоже жившего в 1923 г. в Югославии (все — кубанцы), — просит их, также лиц, знающих их адреса, откликнуться по адресу: Илья Н. Карпенко, село Момино, Ески-Джумайской околии, Bulgarie.

Донского казака Ивана Алексеевича Андриянова (раньше работал на фабрике несгораемых касс в Лионе во Франции) просит сообщить свой адрес Г. Луговской (G. Lugovský, Strakonice, na Parku č. 386, Tchécoslovaquie) — имеет важные сведения от сестры его из дому...

Открыта подписка на 1934 год

на иллюстрированный журнал литературный и политический

„ВОЛЬНОЕ КАЗАЧЕСТВО—ВІЛЬНЕ КОЗАЦТВО“

выходит 10 и 25 числа каждого месяца.

Условия подписки:	на 6 мес.:	на год:	цена отдельного номера:
В Чехословакии	40 кч.	80 кч.	5 кч.
Во Франции	40 фр.	70 фр.	4 фр.
В Болгарии	100 лева	200 лева	10 лева
В Румынии	200 лей	300 лей	20 лей
В Польше	10 зл.	20 зл.	1 зл.
В Германии	5 мк.	10 мк.	0·50 м.
В С. Америке и др. странах	2 долл.	3 долл.	0·20 долл.

За перемену адреса следует присылать: в Č.S.R. 1 корунову знамку, из-за границы 1 международный почтовый купон.

Подписную плату посылать по адресу: „Volné Kozáctvo“, Hradecká 2207, Praha-Vinohrady, Tchécoslovaquie.

Vydavatel: Ing. Ignat Bilyj. — Odpov. redaktor: Jaroslav Strohschneider. Novinová sazba povolena řed. p. a t. čís. 270532-VII.-1930
Tiskem knihtiskaře A. Fišera. Praha-Strašnice č. 289.